

детектив – событие

Евгения Михайлова

ВСТРЕЧА В ЧАС ВОЛКА

Детектив-событие

Евгения Михайлова

Встреча в час волка (сборник)

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлова Е.

Встреча в час волка (сборник) / Е. Михайлова — «Эксмо»,
2017 — (Детектив-событие)

ISBN 978-5-699-95609-8

Лиля не жаловалась на судьбу – даже когда вместо университетской скамьи оказалась на панели. Она стойко сносила все испытания и верила, что судьба однажды улыбнется ей... Карина никому не могла отказать в просьбах. Чужая боль причиняла ей страдания, и спасение от своих бед она искала в помощи другим... Вероника боялась поверить в то, что лучшая подруга Марина сломала ей жизнь. Но как бы тяжело ни было, Вероника надеялась, что счастье возможно и для нее... Судьбы людей иногда идут параллельно, иногда пересекаются, а иногда соединяются. Евгения Михайлова показывает, как важно помнить, что один человек может изменить множество судеб. Герои ее остросюжетных рассказов – люди, способные на любовь и сочувствие, преданность и верность, честность и самоотверженность. Ведь любая боль проходит, а счастье становится наградой за страдания...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95609-8

© Михайлова Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Встреча в час волка	6
Предисловие	6
Девушка по вызову	7
Счастье Марии Ивановны	23
Поделиться любовью	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Евгения Михайлова

Встреча в час волка

*Все персонажи и события романа вымышленные.
Совпадения с реальными событиями случайны.*

– Ты знаешь, что Бах потерял малолетнюю дочь, а потом трех сыновей, а потом и жену, Марию-Барбару? – говорит Натан. – Знаешь?

– Нет.

– Потом они со второй женой, Анной-Магдаленой, потеряли еще четырех дочек и трех сыновей. Одиннадцать любимых детей... Многие исследователи задавались вопросом: как Бах сумел пережить эти утраты? Почему не перестал дышать? Почему его сердце не остановилось? А главное – как он смог и дальше писать музыку? Кантаты, сюиты для виолончели, мессы, концерты... Самую прекрасную музыку, какую доводилось слышать миру. Знаешь, как он смог? Я тебе скажу.

– Ну и как?

– Нота за нотой...

Д. Донелли «Революция»

© Михайлова Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Встреча в час волка

Предисловие

Чудесный жанр – новелла. Размер всего одного эпизода, одного дня, одного года... И возможность рассказать и оплакать целую жизнь. У моих персонажей есть прототипы, но в целом все, конечно, вымысел. Вымысел, который становится тобой между первой буквой и последней точкой. И тебе так дорога эта чужая судьба – короткая или длинная, счастливая или несчастная, незаметная или роковая, – что досмотреть ее необходимо до конца. И понять в финале, что смерть – это не конец жизни, это ее продолжение. Нет людей, не оставляющих следов на земле. Смерть – это чья-то вечная печаль и чья-то свобода. Но любому человеку дано корректировать будущее других. Такая великая миссия.

Евгения Михайлова

Девушка по вызову

Запах дешевого освежителя воздуха вытеснил из жизни Лили все остальные запахи. Она забыла, как пахнет утро, сено, трава, прогретая солнцем. Она питалась едой с этим мерзким сладким запахом, надевала одежду, от которой он не отстирывался никогда, давилась им во сне.

Лиля – интеллигентная девушка из приличной семьи, приехала из красивого города Самара. Большую часть суток она проводила рядом с тремя кабинками передвижных частных общественных туалетов на юго-западе Москвы. Лиля сидела на раскладном стульчике и читала какую-нибудь хорошую, серьезную книгу. В Москве можно найти любую книгу, это пока все, что Лиля узнала о столице.

Лиля мечтала о Москве всегда, как чеховские три сестры, как любая честолюбивая и способная провинциальная девушка. Но Лиля знала, что ей придется *нелегко*: нет у нее ни денег, ни связей, ни богатых и влиятельных родственников. Лиля с младших классов жила с бабушкой в ее однокомнатной квартире. Родители продали свою квартиру и уехали за границу – обживать новые, более приветливые места. У них в принципе получилось после нескольких лет мытарств. Но получилось лишь врозь. Папа женился на француженке, мама вышла замуж за состоятельного американца. Лиля с бабушкой с умилением рассматривали красивые фотографии их новых детей. Мама обещала, что заберет их с бабушкой к себе. Но со временем обещания стали реже, появилась тема: «муж пока к этому не готов». Папа просто растаял в тумане другой жизни. Денег, которые присылала мама время от времени, хватало с учетом бабушкиной пенсии лишь на самое необходимое. Люди, уехавшие из России, очень быстро забывают, что и сколько стоит. Бабушка начала болеть. Их жизнь свелась к поиску, приобретению лекарств, временному облегчению и возврату на круг. Лиля всякий раз перед разговором с мамой набиралась духу, чтобы попросить какие-то вещи. Ее сверстницы всюду увлекались нарядами и мальчиками. Но разговор начинался и кончался мамиными рассказами о том, где и как она отдыхала со своими уже тремя американскими детьми. Потом традиционное: «А как вы?» Лиля так же бодро отвечала: «У нас все по-старому. Бабушка чувствует себя лучше. Я – отличница». Мама легко прощалась. Когда она все же сообщила, что оформляет Лиле с бабушкой приглашение, бабушка сказала: «Она опоздала. Я так далеко не смогу. Собирайся одна, детка». На самом деле бабушка уже не могла ни далеко, ни близко. Она практически не вставала. И Лиля ответила маме, что сейчас у нее по плану попытка устроиться в Москве. Поступить учиться или пойти работать. Может, получится поменять их с бабушкой квартиру на московскую. В Самаре нет перспектив.

Мама сделала для себя удобный вывод: дочь стала самостоятельной. «Позвони, когда соберешься ко мне», – сказала она. Лиля поняла, что надо закрыть тему. Без обиды: так получилось, что нет у нее родных людей, кроме бабушки, которая посвятила ей жизнь, а теперь собирается тихо умереть в бедности, заброшенности и тоске.

Лиля закончила школу с медалью, выбрала самую порядочную, добрую и ответственную соседку Надю, которая как раз сидела без работы, и они подписали договор, по которому Надя стала постоянной сиделкой бабушки с проживанием. Сумму они определили реальную, Лиля только не сказала, насколько эта реальная сумма нереальна для нее сейчас. Все ведь думали, что их содержат богатые родители из-за рубежа. Но девушка была уверена в своем стабильном будущем в Москве. У столько получилось, и у нее получится.

Отправилась она не на пустое место. Ее пригласила к себе дочь соседней Зина, которая уехала несколько лет назад с двумя маленькими детьми. В Москве у нее родился еще один малыш. О муже Зина ничего не рассказывала, о себе говорила коротко и важно: «У меня бизнес». Ходила она по Самаре в короткие приезды гордая, ярко, пусть и безвкусно одетая. И сомнений не было в том, что она бизнесумен.

Лиля подняла голову над толстой и красиво изданной книгой Мишеля Файбера «Багровый лепесток и белый», которую она заворачивала в полиэтиленовый пакет, чтобы сохранить от пыли и запаха, как свою главную ценность. Посмотрела на два одеяльца и коляску в траве газона у кабинок общественных туалетов. Вот бизнес Зины. Вход в одну кабинку – тридцать рублей. Вот ее счастливые наследники, которым повезло, как и Лиле, выбраться в столицу. Они пока барахтаются на своих подстилках, как щенки, играют, смеются. Зине нужно накопить денег им на школу. Прописала их в своей трехкомнатной квартире древняя и злая старуха. Заключение договор ренты. Кроме ежемесячной платы за квартиру – полное обеспечение хозяйки, уход, уборка, лечение. По любому поводу старуха грозит выгнать. Поэтому детям здесь, на траве и солнышке, конечно, лучше, чем в квартире, где им велят говорить только шепотом и запрещают играть в шумные веселые игры. А малыша все время затыкают пустышкой.

Лиля за жилье платит отдельно. К ней хозяйка присматривается: может, и ее облагодетельствует. Но заранее назвала очень крупную сумму, которую хотела бы получить за это. Жадность, видимо, не расстается с человеком никогда – ни на земле, ни за ее пределами.

Зина тоже, разумеется, пригласила Лилю в партнеры не ради того, чтобы вытащить ее на московский олимп. Ей нужна помощница и с детьми, и с этой круглосуточной, грязной и чреватой всякими неприятностями работой. Зарабатывали они, впрочем, ничего. Питаться, покупать дешевые тряпки и что-то откладывать на детей получалось.

Искать другую работу Лиля не могла, и не только потому, что быстро оказалась привязанной ко всем проблемам Зины. Куда в Москве сунешься без регистрации? Вот она и угождала чужой и злобной старухе с клюкой, а по ночам плакала от тоски по бабушке. Ей казалась такой теплой и светлой их общая, уютная жизнь.

Она постоянно искала подработку по компьютеру Зины. Ей требовалось посылать деньги бабушке и Наде. Лиля мыла окна, стирала и убирала у незнакомых людей. Гуляла с детьми и собаками. Часть денег отдавала Зине, считая, что у них единое рабочее время, значит, и доход один.

– Хорошо у тебя пошло, – как-то заметила Зина. – Это еще и потому, что ты такая беленькая, миленькая. К тебе еще никто не приставал в этих квартирах, куда ты ходишь?

– Нет. Там и мужчин нет, куда я прихожу. В смысле меня приглашают хозяйки, когда семья на работе.

– Я к тому, чтобы ты не сглупила. В Москве нужно очень здорово все рассчитать. Думать головой. Замуж выходить только за очень богатого, пусть ему хоть сто пятьдесят лет, даже лучше, если столько. На вариант от зарплаты до зарплаты не ведись. Знаешь, я не жалею, что не выходила замуж за мужиков, от которых у меня дети. Один не хотел жениться, два предлагали. Но я сама хочу быть хозяйкой себе и детям. Ты, конечно, думаешь, что туалеты хуже, чем муж, а я думаю иначе. Накоплю немного денег – замутим что-то получше. Скажу только тебе: когда я приехала, попала в такие тиски, без вариантов. Оставляла ночью детей с дворничихой дома, где квартиру снимала, и шла дежурить на стриту.

– Где дежурить?

– На шоссе с проститутками. С самыми дешевыми проститутками. А теперь – москвичка, наша Полина не вечная. Бизнес какой-никакой есть, зарегистрирована как индивидуальный предприниматель. Чувствуешь прогресс?

– Да, – задумчиво ответила Лиля. Сердце ее заныло, истекая слезами: боже, куда ты меня занес?

А потом случилась беда. Попал под машину, выбежав с газона, старший мальчик Зины шестилетний Коля. Операции, взятки врачам, постоянная приходящая медсестра после больницы по частной договоренности для процедур, лекарства, хорошее питание, фрукты...

Хозяйка и не подумала войти в положение, драла с них за все по максимуму. Без конца придумывала себе новые болезни.

И однажды Зина сказала Лиле:

– Только ты можешь сейчас нас спасти.

Лиля поняла, о чем она, сразу. Зина уже не раз, отгоняя от нее подвыпивших и трезвых мужиков, повторяла, как мантру, которую хотела вбить в голову Лиле:

– Цены ты себе не знаешь. Другая с твоей внешностью уже деньги лопатой бы гребла.

Короче, Зина, прошедшая первый круг ада под названием проституция, для Лили выбрала другой путь, который самой Зине уже не подходил: не очень красивая от природы, она от своих трудов и родов превратилась в матерую, грубую тетку. А каналы, о которых узнала тогда, сохранила. Это работа девушки по вызову, работа под контролем и руководством опытных сутенеров, умеющих для девушки определенного типа искать клиентов – любителей именно этого типа. За свое эстетическое пристрастие клиенты готовы щедро платить. Так Лиля познакомилась с Кириллом. Он и лишил ее девственности как мешающего работе элемента. Перед этим актом Зина напоила Лилю транквилизаторами, чтобы убить страх, стыд, боль и протест.

– Учти, дальше таблеток не будет, – сказала она. – Можно подсесть, а наркоманки никому не нужны. Дальше Кирилл подскажет, как расслабляться и получать удовольствие или хотя бы хорошо его имитировать. Он человек опытный и не злой. Платить обещает прилично. А там, кто знает... Вдруг тебе повезет и по-крупному. Знаю девушек, у которых с этого началась настоящая жизнь. Сейчас дамы – супер-пупер.

Готовили Лилю к дебюту, как новобранца к первому бою. Кирилл свозил ее в клинику к врачу, который организовал полное медицинское обследование, завел историю болезни. Ей поставили спираль, научили разным способам профилактики от инфекций, назначили дни регулярных проверок. Кирилл подобрал ей в меру эротичный гардероб, выбрал амплуа – домашней девочки с нераскрытым порочным потенциалом. Начал изучать рынок.

В назначенный день Лиля, одетая в очень короткое черное платье с белым школьным воротничком и манжетами, села в машину своего водителя и охранника Егора. Ее привезли к старому кирпичному дому в центре Москвы. На пороге большой квартиры с антикварной мебелью ее встретил толстый мужчина с одышкой и бледным лицом диабетика. Егор показал ему на часы. Лиля приехала ровно на час. Это было условие Кирилла для начинающей работницы.

Мужчина ее впустил, закрыл дверь перед Егором и торопливо стал стаскивать с Лили платье, прямо в прихожей, сопя, покрываясь потом, задыхаясь от вожделения. Они за час и не успели дойти никуда дальше прихожей. Лилю от осознания того, что с ней делают, спасал туман брезгливости. Что она поняла: этот нездоровый во всех отношениях человек всю жизнь хочет какую-то недоступную для него с детства девочку. Это и есть его главный диагноз, он называл Лилю – Агнешкой, бормотал: «Иди ко мне, а то папа тебя накажет». Закатывал глаза, пускал на нее слюни. Час, к счастью для Лили, закончился быстро, и Егор сначала позвонил в дверь, потом легонько постучал в нее ногой. Потом ударил громко и требовательно. Лилю отпустили, мужчина мокрыми руками вернул ей платье, задрожали в его толстых пальцах денежные купюры, которые властно взял Егор. Девушкам по вызову брать деньги клиентов запрещено, так сказал Кирилл, работодатель.

Он их встретил у дома Зины, посмотрел на сумму, одобрительно кивнул:

– Вдвое больше, чем договаривались. Молодец. А ты боялась.

Зина тоже была довольна суммой, которую Кирилл отсчитал Лиле. Лиля ушла в свой угол за ширмой, упала на кровать и часа полтора слушала только свои молчаливые команды мозгу: «Спать, спать, спать, спать». Когда мозг сжалился, она поплыла по каким-то каналам и

лабиринтам в поисках себя, своей жизни, а ее догоняла, истерически смеясь, голая, бесстыжая и наглая Агнешка. «Ты не Лиля, – кричала она. – Я всем про тебя расскажу. Бабушке тоже».

Такая странная женщина появилась в витрине рынка доступных жриц любви. С душой строгой девственницы, с нежным и соблазнительным телом, которое было оправой для скрытого яростного протеста против насильственного вторжения в его тайну. В конечном итоге это был протест против самой сути мужчин, которых Лиля узнала с такой стороны: это носители бездушного, механического, жестокого механизма истязания женственности.

Она была, как на принудительных работах, от ее старательности и качества дела зависела жизнь бабушки, здоровье маленького сына Зины, будущее всех детей Зины. О своем будущем Лиля больше не думала. Все стало проще: выжить бы. Дожить до ночи, до завтра, до дня, когда сможет послать бабушке деньги. Лиля следила за своей внешностью, как велел Кирилл. Всегда была безупречно одета, с красивой прической блестящих светлых волос. Светло-зеленые глаза оставались ясными, она научилась закрывать их насильно и спать. Спать в каждый свободный отрезок времени, чтобы ничего не помнить и не знать. Зина освободила ее от работы у туалетов и большей части забот о детях. Денег хватало на приходящую няню. Хозяйка Полина, как все алчные люди, быстро почувствовала изменение статуса Лили, которая стала основной кормилицей, и прописала ее в квартире как дальнюю родственницу.

Лишь в одном Лиля упорно игнорировала наставления Кирилла. Она отказалась имитировать то, чего не чувствовала: страсть. Кирилл отстал от нее, когда понял, что это, возможно, и делает ее настолько привлекательной для клиентов. Их возбуждала собственная роль насильников. Проститутке по призванию легко изобразить страсть. А вот изобразить стыдливость и целомудрие для проститутки невозможно.

«Да любая монашка развратнее этой девочки в мыслях», – думал иногда Кирилл, испытывая что-то вроде нежности и сочувствия к своему новому проекту. Но бизнес требовал перехода с одного уровня на более высокий. Вскоре Лилю отправляли к клиенту уже не на час, а на три и пять, потом на ночь, потом не к одному клиенту, а к группе мужчин. Рос доход Кирилла, увеличивался процент Лили. Она, наконец, перестала бояться полного безденежья и завтрашнего дня. Зина открыла фруктовую лавку и даже наняла работницу, которой поставила у лавки кэмпер для постоянного проживания. Дети пошли в хороший детский сад. Коля готовился к первому классу с соседкой-учительницей.

Лиля терпела все, кроме боли. Это было ее первое серьезное требование. Кирилл не просто обозначил это в качестве основного условия для клиентов, он однажды дал показательный урок и позаботился о том, чтобы о его гневе стало известно всем потребителям тайной империи. Когда Егор привез Лилю в кровавых рубцах от ударов плетью, с руками и ногами, стертymi наручниками, Кирилл срочно вызвал к девушке не только врача-травматолога, но и психиатра. Ее освободили на неделю, лечили в маленькой частной клинике, главным образом от тяжелой депрессии. На теле рубцы заживали быстрее, чем на душе. Лиля не хотела ни с кем говорить, есть, спать, жить.

По адресу мужчин, снимавших одну богатую квартиру, поехала группа серьезных ребят. Квартира была оборудована под офис с тайным помещением в стилистике садомазо. Когда ребята Кирилла вышли из этой квартиры, соседи вызвали полицию и «скорую» на страшные стоны. В квартире обнаружили всех участников той оргии в состоянии отбивных. Их показали в новостях, они сами отказались назвать людей, которые с ними расправились. Сказали, что о причинах не догадываются. Все пострадавшие оказались хорошими семьянинами, работниками с нормальной репутацией. Кому было интересно, тот все понял.

Лилю после болезни Кирилл отправил к немолодому, интеллигентному, скромно и замкнуто живущему руководителю небольшой, но очень успешной компании Виталию Николаевичу. Он пригласил Лилю на несколько часов. Она надела «свою униформу» – черное платье с белым воротничком и манжетами. Переступила порог и увидела невысокого, худощавого,

седого человека в серых брюках и голубой рубашке и впервые не произнесла про себя слова: «Господи, помоги. Неужели я вынесу все это без наркоза».

Виталий Николаевич не бросился стаскивать с нее платье, не говорил торопливых бесстыдных слов, не требующих ее ответа, не смотрел на часы, чтобы полностью насладиться купленным временем... Он провел Лилю в гостиную, поставил на стол детское меню: соки, мороженое, пирожные. Сидел напротив, смотрел почти по-отечески, любуясь, изучая. Задавал вопросы о жизни, внимательно слушал ответы. Рассказывал какие-то милые истории. Лиля смеялась! Как дома с бабушкой. Она удивлялась, что все еще умеет смеяться.

Было ощущение, что они так и проведут все эти три часа за беседой. Лиле казалось это нереальным везением. После ужина он повел ее в библиотеку, показал свои прекрасные книги и картины. На часы по-прежнему не смотрел. Посмотрела Лиля: ей не хотелось, чтобы за ней приходил Егор. А Виталий Николаевич вдруг мягко потянул ее в скромную, затемненную спальню. Когда он снимал ее платье а-ля школьница, Лиля не чувствовала тошноты и прилива привычной паники. И когда ласкал нежно и осторожно, ей не было плохо и противно, ушло ощущение вторжения в ее тайну, оскорбления женственности. Она сама не заметила, как замерла сначала в томлении, а потом испытала острый приступ неведомой до сих пор болезни под названием желание.

Он смотрел, как Лиля возвращается к себе из этого приступа, внимательно, как врач, не дотрагиваясь больше до нее.

– Это именно так и должно быть, девочка, – ответил Виталий Николаевич на ее вопрошающе-изумленный взгляд. – Какая прелесть: девушка по вызову впервые испытала оргазм. Ты испугалась?

– Да.

– Но тебе было хорошо?

– Да, – уверенно сказала Лиля.

Она оделась за три минуты до того, как позвонил в дверь Егор. Тот удивленно присвистнул, взглянув на сумму, которую протянул ему Виталий Николаевич.

В ту ночь Лиля торопила сон, чтобы в нем повторилось то, о чем она и не мечтала. Проснувшись с ясной головой и строго спросила у солнечного луча, проскользнувшего сквозь шторы в ее комнату: «И как это совместить с моим хроническим кошмаром? Значит ли это, что незнакомый человек стал мне родным? Он ведь может больше никогда меня не позвать».

Но Виталий Николаевич, конечно, позвонил. И вызвал ее на всю ночь. Сумму назвал такую, что у Кирилла не возникло даже мысли о торговле. А Лиля впервые за все время своей работы пошла сама в не очень дорогой, но вполне приличный бутик одежды и купила на свои деньги серое платье из крепа, закрытое, обтягивающее, с рукавами до локтя, юбкой ниже колен и молнией через всю спину. Белокурые легкие волосы она зачесала наверх, заколола красивой заколкой, открыв ясный лоб, нежный овал лица и тонкую шею.

Виталий Николаевич, осмотрев ее по-хозяйски в прихожей, одобрительно кивнул и мягко притянул к себе, чтобы поцеловать в щеку. Было всего десять часов вечера. Времени впереди – до утра. Егор поехал ночевать к себе домой.

В столовой опять был накрыт стол. На этот раз меню было для взрослых: с острыми салатами, мясом и вином. Виталий Николаевич разлил вино по бокалам и произнес тост:

О, прекрасная лилея,
Нет тебя белее,
Нет нежней твоего сердечка,
Посмотри послушным взглядом,
Будь со мною рядом,
Вот тебе заветное колечко...

– Ой, – потрясенно произнесла Лиля. – Это же эпитафия Грея к роману «Багровый лепесток и белый»!

– Ты читала эту книгу? Я не удивлен. Ты очень необычная, интересная девушка. Надеюсь, не судьба героини привела тебя к мысли выбрать такую работу?

– Ее судьба должна была меня заставить бежать от такой мысли на другой край земли, – горько пожаловалась Лиля. – Но я попала в ловушку. Не было выхода. Это плохо, что я так говорю, да?

– Ты боишься сбить мое настроение? Не бойся. Ты – не Конфетка из романа, я – не тупой клиент. Подними крышку этой вазочки для варенья, которая стоит рядом с твоей тарелкой.

Лиля подняла крышку из красного чешского стекла, и ей со дна мелкой вазочки блеснул лучом багровый камень в кольце из белого золота.

– Это рубин, – сказал Виталий Николаевич. – Надень его на пальчик. Уверен, что не ошибся в размере. Это камень уверенности и страсти. Такой нежной девочке, как ты, он поможет освоить эту науку – науку настоящей страсти, которая не покупается и не продается. Так мы начнем выбираться из твоей ловушки.

Кто из них был талантливее? Умный, искушенный и терпеливый учитель или чуткая, как идеально настроенная дорогая скрипка, ученица? Разумеется, то и другое должно было непременно совпасть. И родилась симфония мастера, которую принял и озвучил совершенный инструмент – разбуженная чувственность женщины, узнавшей о том, какой соблазн прятался в ней от нее самой.

Временами Лиля ощущала наслаждение, как муку, которая не находит выхода. Ее клиент больше не был таким осторожным и нежным, как в первый раз. Он явно искал, находил и смело использовал разные варианты ее возбуждения. Лиля даже почувствовала физическую боль, на мгновение испугалась, но тут же перестала понимать: это боль или ее терзает собственное нестерпимое желание? А когда вся кровь загорелась, сладко сжалось сердце, Лиля отпустила на свободу замерший в ожидании стон и взглянула на любовника сквозь мокрые ресницы.

– Я люблю тебя, – прошептала она.

Он отодвинулся, чтобы смотреть на нее с расстояния, видеть всю. Глаза были серьезными, внимательными, изучающими.

– Очень рад, детка. Ты доставила мне несказанное наслаждение, а эти слова – неожиданный подарок, которому нет цены. Но я должен тебе сказать: не преувеличивай то, что ты сейчас чувствуешь ко мне. Это не любовь. Это просто благодарность за то, что тебе было хорошо со мной. Это тоже очень много. Но любовь – это значительно больше. Ты еще узнаешь, что это. Со мной или с кем-то другим, но обязательно узнаешь. Ты – чудо.

Лиля отрицательно и бессильно покачала головой. Ни о каком «другом» не могло быть и речи. Это казалось ей единственной истиной. Но объяснять не было сил. Она просто прижалась лицом к его рукам и назвала его первый раз Виталием, без отчества. Он дал ей отдохнуть и повел дальше...

Утром в машине Егора Лиля делала вид, что спит. На самом деле она ясно и беспорядочно выбирала из памяти отдельные минуты прошедшей ночи, рассматривала их и думала о том, что ехала в Москву, готовая постигать разные науки, но узнала о науке страсти. Узнала вот так, когда незнакомый человек выбрал ее на роль ученицы. Лиля понимала, что попала в сладкий плен, который становится и ее спасением.

Егор то и дело посматривал на очень дорогое кольцо на ее пальце и тоже вспоминал. Он вспоминал, как властно и надменно сказал этот Лилин клиент: «Все, что я дарю и захочу дать Лиле, – это только ее собственность. Это могут быть и деньги. Моя девушка должна хорошо одеваться. Если у нее в этом смысле начнутся проблемы, у вас будут очень большие проблемы.

Передай это хозяину». Егору казалось, что в воздухе уже запахло какими-то проблемами. Ни он, ни Кирилл не любили нарушения их порядка.

Совсем недавно Лиле казалось, что она до конца дней будет тонуть в неподвижном, опасном, вязком болоте. И вдруг жизнь и положение Лили в ней стали меняться стремительно, с каждым днем. Лиля видела себя будто со стороны. Она наблюдала, как становится другой. У нее появилось личное пространство, тайны, свои интересы, вещи по собственному вкусу. У нее появилась защита, это понимали все, кто до сих пор просто использовал ее, и многим это не нравилось. Кирилл перестал донимать ее нравоучениями и командами. Он даже не навязывал ей больше график работы. Он корректировал график под нее. И учитывались не только ее поездки к Виталию. Лили теперь свои четыре дня отпуска каждый месяц могла растянуть на неделю и больше. Кирилл не возражал. Зина освободила для нее нормальную комнату вместо каморки-кладовки, в которой Лили жила до сих пор. Там был шкаф для вещей, дверь запиралась изнутри, а на столе стоял новый ноутбук, дорогой, последней модели, доступ в который был только с паролем. Ноутбук подарил Виталий. Возвращаясь к себе, Лили теперь не падала на кровать с мысленными мольбами: «Уснуть, только уснуть». Она читала новые книги, новости в Интернете, любовалась чудесными фотографиями на сайте всемирных лучших идей [pinterest](#). Самые изысканные платья и прически последних дней, самые прекрасные цветы, животные, дети... Виталий писал ей каждый день на почту по паре коротких фраз: «спокойной ночи», «с добрым утором», «жду», «соскучился». И одна простая фраза успокаивала ее и зажигала в ней огонь.

Он по-прежнему вызывал ее через Кирилла.

– Пусть тебя это не обижает, – объяснял Виталий. – Я знаю нравы среды лучше, чем ты. Тебя так просто не выпустят. Эти люди умеют жестоко мстить. Мы не будем рисковать. Я что-нибудь придумаю.

Лиле это устраивало. Она не строила никаких планов. Ей в голову не приходило чего-то потребовать. Она всего лишь хотела, чтобы их отношения не прервались. Девочка, которая привыкла жить без опоры и надежды, вдруг получила от жизни больше, чем могла мечтать.

Лили очень изменилась внешне. По-прежнему юная и прелестная, она выглядела старше своих девятнадцати лет. Взгляд... Томный и глубокий, он прятал теперь тайну и опыт. Это был взгляд женщины, узнавшей себе цену. Не банальную цену, как ярлык на рынке доступной любви, а человеческую ценность. Виталий не осыпал ее комплиментами, он просто открывал ей ее красоту и притягательность. Лили стала менять цвет волос: ей разонравилось быть блондинкой. Она выбирала то пепельный цвет с отливом темного серебра, то каштановый с теплым блеском наступающей ночи. У нее обнаружился безупречный вкус, и наряды подчеркивали уникальную женственность и сексуальность.

Удивительно, но в униженной и по-прежнему постылой работе с обычными клиентами ее сексуальность никогда не давала о себе знать. Не просто молчала, даже боролась, сознание помогало уходить если не в полное бесчувствие, то часто в презрение и высокомерие. И она позволяла себе это не скрывать. И что еще удивительнее: клиентов это возбуждало все больше, цена ее росла. Кирилл новый статус Лили раздражал, потеря собственных позиций заставляла мрачнеть и впадать в агрессию.

– Не советую никогда девочкам витать в облаках с лапшой на ушах, – сказал он ей однажды. – Что бы вам ни напели во время оплаченного сеанса, впереди у всех вас – разбитое корыто и моя доброта. Твой покровитель, который так тебя распустил, живет точно так же, как жил до тебя. У него жена и взрослые дети, между прочим. И поверь: никто ничего ради тебя менять не собирается. А живут отдельно от жен многие бизнесмены. С женами их связывает то, что гораздо важнее, чем постель. Их связывают деньги. Для того и развод, чтобы надежнее их прятать.

– Ты хотел меня испугать? – Лиля посмотрела на него снисходительно. – У тебя не получилось. Меня не интересуют чужие жены и мотивы. Я знаю, чего я хочу. Этого достаточно. По поводу корыта и доброты поняла. Спасибо. В случае чего – воспользуюсь.

Она сказала правду. Так ей казалось в тот момент. Но все чаще бывали минуты, когда ей казалось иначе...

Однажды ночью, когда Лиля вернулась домой, долго смывала горячей водой грязь чужих, омерзительных до физической тошноты прикосновений, а потом упала в спасительный провал бездумного сна, ее вдруг разбудила тоска. Тосковала не душа, тосковало и плакало тело, как будто брошенное хозяином. Что-то такое безнадежное было в этой тоске, что Лиля встала и выпила таблетку снотворного, чего не делала почти никогда. Она хотела вернуться в бездумный провал, но вместо этого попала в странный сон. Будто она хочет найти в своей электронной почте письмо от Виталия, но не может в почту попасть. Вместо этого она видит на черном экране, как видео в ютубе, багровые облака своей неутолимой страсти и не может закрыть вкладку, не может от этого зрелища оторваться. Не знает, как убить разрывающую лоно страсть, чем залить этот зной. И она во сне без конца нажимает команду «поделиться». Как будто подает сигнал: SOS. В полной пустоте.

Проснулась Лиля в поту. Она подумала, что ее приручили, как зверька, и оставят, как только наиграются. А все, что она придумала про нежность и родство, – это всего лишь фантазии проститутки. Как у горьковской Насти в «На дне». Страшное было пробуждение. Такое страшное, что Лиля впервые в жизни допустила мысль о самоубийстве. И он как будто почувствовал что-то. В тот же день позвонил Кирилл и буркнул:

– Вечером едешь к своему. Приспичило так, что требовал немедленно и на два дня. Я сказал, что водитель освободится только к вечеру, а с чужими ты не поедешь. Он своего водителя хотел прислать. Если бы не цена, послал бы его, так со мной не разговаривают. Но бабки очень приличные. Собирайся. Кто бы подумал, что ты так быстро сумеешь окрутить мужика, недотрога наша.

В тот вечер Виталий долго и молча целовал ее прямо в прихожей, там же расстегнул длинную молнию на ее платье. Ночью в спальне горел свет, а Лиля, выдохнув свой стон свершения и завершения, смотрела на его обнаженное тело – тело обычного немолодого мужчины – почти с благоговением, таким оно показалось ей красивым и зовущим. А ведь до сих пор ей все голые мужчины казались отталкивающими. Она так и не стала профессионалкой.

Утром Лиля узнала, что он вызывает ее не только для развлечения и утех. Виталий сообщил ей, что через месяц она поедет сдавать документы в МГУ на заочное отделение филологического факультета. Открыт дополнительный набор на коммерческое отделение. И она точно поступит...

Тем временем бабушка прошла курс лечения в очень хорошем и дорогом частном ревматологическом центре в Венгрии. С ней все три месяца была Надя. Когда они вернулись в Самару, бабушка сказала Лиле по телефону:

– Я вышла из самолета сама. И мы спокойно шли к такси. Мне не так сильно нужно ходить. Но я счастлива потому, что это произошло благодаря тебе. Я поняла, какое золотое сердечко у моего единственного ребенка. Да, моего ребенка, да, до конца моих дней.

Лиля плакала. Положила телефон, долго смотрела в теплую даль своего детства и думала, что не плакала такими легкими слезами очень давно. Потому что горе и унижения не заслуживают слез. Эти слезы – ей, ее настоящей матери, тоже единственной и тоже до конца дней.

Лиля приехала к бабушке через полгода разлуки. Серьезная, элегантная, спокойная, до боли в глазах красивая, она после ужина показала бабушке и Наде студенческий билет МГУ. Бабушка заплакала: «Я не могла об этом даже мечтать».

Лиля приехала в отпуск. В первую неделю они с Надей нашли недорогой, но очень уютный, крепкий и теплый домик с садом на берегу Волги, и Лиля его купила. Дом не нуждался в

ремонте, в нем были отопление и вода, продавался с добротной, практически новой мебелью, можно было сразу переезжать. Была уже зима. По утрам Лиля вставала раньше всех, чтобы насладиться домашним покоем. Она пила кофе на теплой террасе, смотрела на ветки деревьев в мохнатых белых перчатках и позволяла себе... Нет, не мечтать, гораздо скромнее: придумать себе другую жизнь. Вот эту, в уютном тихом домике, с бабушкой, у которой ничего не болит, с небольшими деньгами, которых все же хватает на то немного, что им нужно. Она придумала себе работу – учительницей русского языка и литературы в школе. В необычной школе. В частном лечебно-образовательном центре для бедных детей с проблемами здоровья. Это должна быть попытка создания рая. Непременно очень удачная попытка, потому что такой центр создаст Виталий, а у него все получается. Она видела в морозных узорах на окне картинки идиллии. Вечер, Лиля готовит ужин, открывается дверь, и заходит Виталий. Стоит, немного усталый и озабоченный, смотрит на нее, как умеет только он, изучая и любуясь на расстоянии, не дотрагиваясь до нее долго-долго... Потом они все вместе ужинают, обсуждают дела, рассказывают о том, как прошел день. И Виталий ведет ее в их знойную ночь, которая закончится, когда они сами захотят, а не по звонку Егора...

Однажды эти видения стали такими нестерпимо привлекательными... Лиля почти поверила, что это возможно. Расслабилась настолько, что написала Виталию об этом письмо. Хотела просто сохранить, как черновик, потому что это против ее принципа – никогда не пытаться влиять на чужие планы. А палец механически соскользнул и нажал «отправить». Лиля вскрикнула: она испугалась реакции. И, кажется, не напрасно. Ответ прилетел через пару минут. «Прелестная идея. Как все в тебе и у тебя. Ничего не исключено. В день твоего возвращения тебя встретит мой водитель. С Кириллом вопрос решен. Я забронировал три дня».

Так жестоко Виталий напомнил ей о статусе. Не унижил, нет. Просто вернул на землю. Опыт рая – пока не для нее.

Годовщину их встречи Виталий предложит отметить в маленьком закрытом ресторане для особых гостей.

Вновь был пик лета, но с этой точки жаркие дни прошлого года казались кошмарным маревом в душном и липком запахе дешевого освежителя воздуха. Лиля теперь жила в отличной квартире, которую снимал для нее Виталий. Он иногда появлялся с ней на людях. Она ни с кем незнакомилась, никто из его круга не знал, откуда появилась и кем была его загадочная любовница. Кто-то слышал, что она бывает в университете. Кому-то казалось, что видел ее в какой-то рекламе в качестве модели, кто-то предполагал, что она – актриса... Шокирующая правда о том, что Лиля – просто девушка по вызову, никому не приходила в голову. Даже для самой Лили это обстоятельство все больше казалось нереальным бредом. Но она ничего не могла и даже не хотела изменить. Потому что благодаря своему кошмару, она встретила Виталия и узнала жизнь с другой стороны.

В минуты грусти Лиля думала о том, что должна презирать себя за пассивность. Ведь она уже четко понимает, что значит для него очень много. Что он боится ее потерять не меньше, чем она его. Но такой странной, инфантильной и нелепой была гордость слабой, домашней и чистой девушки, которую судьба швырнула в темень порока. Если Виталий ее оставит, если она опять окажется в нищете, она сядет у кабинок Зины, встанет на стриту, пойдет на все условия Кирилла с его «добротой», лишь бы бабушка не нуждалась. Но она не сможет удержать Виталия даже на секунду против его желания. Ловушки, шантаж, прочие известные приемы женщин в подобном положении – это не для Лили. Лилей, нет которой белее... А мечтать о другом поприще она перестала. Поставила на этом крест. За кругом, в котором Лиля оказалась, она будет прокаженной. Прошлое обязательно догонит и страшно отомстит.

Ее место в проекте Кирилла стало совсем другим. Она теперь ездила к чужим мужчинам редко. И это были самые богатые люди, которые платили Кириллу совсем уже безумные деньги. Лиля узнала, что и среди этой публики, этой «элиты», этих известных имен есть совершен-

ное отребье с жалкими и низкими инстинктами, со страшным комплексом неполноценности, который требует унижения женщины, недоступной им без денег в принципе.

Так повезло Виталию. Более верной женщины, чем эта девушка по вызову, не знал еще ни один мужчина. Он умел читать ее мысли и чувства, как свои, или даже лучше, чем свои. Он ведь ее проводник по миру желаний и инстинктов, а в этом мире нет обмана и притворства, в нем не прячут тайные порывы. Лиля была верна Виталию каждым своим вздохом. И в этом не было сомнений. Но он никогда не говорил ей о любви и своих планах.

И вот наступил этот их праздник – годовщина встречи. Виталий съездил с Лилей к известному дизайнеру, и ей доставили черное вечернее платье – обтягивающий лиф, юбка из двух слоев – в пол, верхний слой – это газ, как темный туман, спина открыта до талии. Лиля осветлила пепельные волосы таким образом, чтобы в них, как в рассветном воздухе, заблестели солнечные лучи. Уложила их волнами в высокую прическу. Подкрасилась, задумчиво посмотрела в печальные и томные глаза своего отражения. «Кто эта женщина?» Открыла дверь на звонок.

– Кто эта прекрасная незнакомка? – спросил Виталий. – Не могу поверить, что она – моя. Что ты настолько моя.

Почему Лиле почудилось что-то тревожное или даже угрожающее в этих словах?.. Глупость, конечно, он просто восхищается ее красотой. Но она напряглась и весь вечер чего-то ждала. А вечер они провели прекрасно. Звучала ее любимая музыка в их отдельном кабинете, он читал ее любимые стихи, говорил обо всем, что ей было интересно. В его глазах было такое ненасытное любование. Виталий положил рядом с ее бокалом сафьяновую коробочку. В ней оказались длинные серьги с огненными опалами в ряд на золотой нитке. Лиля надела их прямо там, в ресторане. То, что она с тревогой ждала, он сказал уже в ее квартире. Лиля стояла посреди комнаты, он легонько потянул платье с ее плеч, оно упало на пол, как шелковый чехол со статуи. Она и застыла, как прекрасная статуя, в этих шелковых волнах после его слов. Багровые огни в черных камнях вспыхнули и задрожали, догорая, вдоль ее беспомощной шеи...

– Ты больше не работаешь на Кирилла, моя дорогая, – сказал он, и сердце Лили замерло сначала от счастья, чтобы застыть в следующую секунду от ужаса. – Ты теперь работаешь на меня. Стоп! Не впадай в отчаяние. Мне не нужно с твоей помощью зарабатывать деньги. У меня их больше, чем мне понадобилось бы на много жизней. Мы просто продолжаем изучать нашу науку страсти. Мы пойдем самыми неизведанными, экзотическими тропами. Я хочу раскрывать тебя бесконечно. Надеюсь, ты поймешь меня.

Лиля впервые за все время их знакомства захотела, чтобы он ушел и оставил ее одну. Или хотя бы остался в другой комнате. Только на эту ночь. Потому что ее душа и тело оцепенели, как две сироты на морозе. Она должна была свернуться в клубочек, как в детстве, и пошептать себе бабушкину колыбельную. Чтобы утром принять все, как есть. О том, чтобы не принять, – не было и речи. Она сказала ему об этом.

– Нет, – мягко ответил он.

Он расстегнул заколку в ее волосах и отпустил на свободу пепельные струи с солнечными лучиками в изгибе локонов. На ней остались только серьги. Они и были ее праздничным нарядом в ночь перехода на следующий уровень своей судьбы. И опять, как всегда, от Лили ничего не зависело. Ее душа еще мерзла и тосковала, а тело уже тянулось к его рукам, к его повелительной плоти, оно уже пылало само по себе. Оно ответило согласием на предложение, которое Лиля не могла ни принять, ни отвергнуть. Да и не предложение то было, а приказ.

На следующий день к ее дому пришли серьезные охранники. Два дежурили в подъезде, один ловил «покемонов» в ее прихожей, еще два гуляли во дворе. Лиле Виталий велел не выходить из дома. Днем позвонила взволнованная Зина.

– Вы что заварили? Кирилл со своими бандюганами пойдет войной. Так его кинуть! Ты соображаешь хоть немножко? Тебе плевать, что тебя изуродуют, а мне не все равно, что могу пострадать и я, и мои дети. Мы – твои родственники в Москве.

– Я сейчас не одна, – сказала Лиля. – Не могу это обсуждать. Но я уверена, что Виталий все предусмотрел. Ты же понимаешь, мое рабство не могло быть бесконечным. Единственное, что я могу тебе обещать, – вы всегда будете получать от меня помощь.

Зину это успокоило. Возможно, только это ее и тревожило.

События развивались стремительно. На следующую ночь в окно спальни Лили влетела бутылка с зажигательной смесью, стекло разбилось, штора запылала, огонь побежал с нее прямо на одеяло, которым укрывалась Лиля. Виталий еще работал в кабинете. Охранники до приезда пожарных и полиции сняли аккуратными выстрелами, не причинив вреда, двух бандитов, которые сидели на ветках старого дуба. У них были еще такие же бутылки, бинокль, ножи, баллончики с газом.

Когда приехала полиция, бандиты с надеждой рванулись к машине. Они явно надеялись договориться, как обычно, видимо, и меньше всего им хотелось остаться лицом к лицу с охранниками Виталия. Но договорился Виталий. Он спокойно сказал полицейским:

– Мы во всем разобрались. Недоразумение. Ребята пускали некачественный фейерверк. Китайский. А у нас было открыто окно, ветром выдуло штору как раз на путь их петарды. Короче, никаких заявлений и претензий. Никто не пострадал.

В ладонь сержанта деликатно легла приятная купюра. Все расстались, довольные друг другом. Только бандиты хмуро и напряженно смотрели вслед полицейским, потом попытались синхронно убежать от своих новых знакомых, но их мягко придержали... Расправа была жестокой, но справедливой. После этого инцидента охрану вокруг дома и квартиры Лили усилили. Любой бы понял, что нападать себе дороже. Но Кирилл – это такой козел, понимали Виталий и Лиля, что расслабляться нельзя. Лиля оставалась взаперти, а Виталий ездил на работу, как всегда, без охраны. В офисе охранники находились только в помещении. Двор был обычным, открытым, вход через незапертые ворота. Через пару дней Виталий сел в свой «Мерседес», включил мотор, и машина взорвалась. Он успел открыть дверь и удачно выпасть, откатился на несколько метров. Машина пострадала настолько, что о дальнейшем пользовании не могло быть и речи. Но полиции Виталий опять сказал, что никого не подозревает. Думает, что скорее всего его машину перепутали с какой-то другой. Похоже на политический мотив.

Кирилл успел сказать Зине:

– Старый хрыч понял, что я ему не по зубам. Лилька еще приползет ко мне на коленях.

Тут-то за ним и пришли. Официально, вежливо, с полным набором разоблачающих материалов. Следователи с ордером на обыск и точной ориентировкой: что и где нужно искать. Они нашли документы девушек, в том числе несовершеннолетних, счета, контакты, имена клиентов, среди них оказалось немало клейменных педофилов... Улик нашлось не на одно громкое дело с перспективой серьезного срока. Разумеется, в том, что полицейские нашли, не было ни документов и фотографий Лили, ни данных о Виталии.

Кирилл вышел через месяц из СИЗО под подписку о невыезде. Дело обещали прекратить под надуманным предлогом, но это стоило Кириллу всех его денег. О том, чтобы вернуться к столь успешному сутенерству, не могло быть и речи. Но он научился держать удар и сказал водителю Егору, который приехал к тюрьме, чтобы отвезти его домой:

– Не надо оваций. Монте-Кристо из меня не получилось. Придется переквалифицироваться в управдомы. Не пугайся, я не свихнулся. Это слова Остапа Бендера, если ты в курсе, кто это такой. Я к тому, что я без гроша. Раздели меня, друг Егор, как девушку по вызову. Но есть такая идея... Сокамерник пригласил. Его повязали за аферы, они же ему помогли выйти на неделю раньше меня. Завтра начинаем новое дело.

О том, какое у Кирилл новое дело, Виталий, конечно, узнал сразу. От самого Кирилл. Тот явился к нему в офис в черном костюме и белой рубашке и произнес спич на тему: «Кто старое помянет, тому глаз вон».

– Разумеется, – спокойно ответил Виталий. – Немного здравого смысла, и два человека спокойно могут разойтись на земном шаре, чтобы больше не доставлять друг другу неудобств.

– Вот где-то так, – с умным видом поддержал Кирилл. – Я теперь в новом деле. Никаких девушек. У меня теперь агентство по организации экстремального досуга для ВИП-персон.

– Это для оригиналов, которые за большие деньги хотят посидеть в общей камере на зоне, питаться баландой и, в идеале, чтобы вертухаи били?

– И это. И очень многое другое. Вы даже себе не представляете, насколько они бывают оригиналы, эти богачи.

– Представляю. Настолько хорошо, что теперь уверен, мы с тобой расстались навсегда. Будем считать, что по-хорошему. Тем более и меня девушки по вызову больше не интересуют. Я нашел то, что искал. За это тебе спасибо. Удачи в креативе.

Он встал, Кирилл протянул руку для рукопожатия, но Виталий приветливо улыбнулся и руки бывшему сутенеру Лили не пожал. Просто кивком показал ему на дверь. Кирилл за дверью проглотил свою подобострастную улыбку, которая сама по себе прилепилась к его губам, и скрипнул зубами. Он понял, что ненавидит этих двоих: проститутку – саму невинность и ее любовника-экспериментатора с его связями и мстительным характером. Его ненавидит и боится, как не боялся никого. И за это ненавидит вдвое сильнее.

Вскоре Лиля переехала в купленную на ее имя большую, двухуровневую, богато и с безупречным вкусом обставленную квартиру. На втором этаже была студия. А проще говоря, Лили там принимала клиентов, которых выбирал для нее Виталий. Студия была оборудована самым современным снимающим и воспроизводящим оборудованием. Виталий все видел! Он снимал свое кино о Лиле в стране «наука страсти».

Гардеробная Лили была уже настоящей сокровищницей самых изысканных, экзотических и эротичных нарядов. От ее красоты у Виталия ломило в висках, глаза были как будто обожжены. Но он продолжал вкладывать деньги, идеи и время в поиски путей усовершенствования совершенства. Это было что-то маниакальное. Запой мозга и страсти.

Лили выросла, грустнела, но гордо держала свою красивую голову. Несла на ней корону в этом королевстве горького и сладкого порока. Сладость – это любовь Виталия, горечь – плата за нее, которую он придумал. Чужие мужчины. Иногда не только мужчины. Виталий в своем кино хотел видеть ее и с женщинами, и с парами.

В своей спальне Лили теперь держала виски, красное вино и коньяк. Она курила длинные дамские сигареты со сладким и терпким запахом. Этим она спасалась.

И работала. Она теперь работала на камеры, думала о том, как будет выглядеть, понравится ли она Виталию. Она стала актрисой, но проституткой так и не стала. По-прежнему прятала отвращение, отторжение, брезгливость и тоску по своей чистоте. Она никого не видела, глядя на клиентов открытыми глазами. Это были статисты без лиц в ее странной, диковинной, постыдной судьбе.

И такой результат. У бабушки теперь были кухарка и домработница, кроме компаньонки и подруги Нади. В гараже стояла хорошая машина, она держала водителя на зарплате. В сторожке у входа в сад жил охранник, работать в саду приходил садовник. По вечерам бабушка с Надей тихонько, как будто кто-то мог их подслушать, говорили о том, что такие финансовые возможности у студентки могут быть только в одном случае, если у девушки есть богатый жених. Это было для них совершенно очевидно. Но вопросов Лиле, конечно, они не задавали. Бабушка стала тихонько готовить приданое. Купила дорогой футляр для старинного жемчужного ожерелья, которое ей самой досталось от прабабки, она его даже дочери не стала дарить. Искала по Интернету в дорогих магазинах самое изысканное постельное белье. Разглядывала

придирчиво, получив. И вышивала шелком на уголках вензель «Лиля». Бабушка была счастлива. И это оправдывало для Лили все.

А вечерами Лиля приходила в их с Виталием общую спальню, на это поле столь усложненной, запутанной и греховной любви. Она с облегчением скользила из атласного халата – каждый день другого цвета – и нимфой, сиреной, богиней прижималась к горячему телу своего возлюбленного. И судьба вдруг начинала казаться не такой уж постыдной. Или вовсе не постыдной. Лиля, серьезная, думающая и страдающая женщина, поднимаясь над своими комплексами и унижениями, понимала: она – избранница необычного человека. Он не нуждается в таком сложном возбуждении, чтобы утолять свою страсть к ней. Ему не требуется таким экзотическим, рискованным путем зажигать ее страсть: он ее получил практически с первой встречи, и она неизменна. Он... В чем тут разгадка? И Лиля находила ответ. Виталий в своей неожиданно огромной, безграничной любви был путником, заброшенным на территорию бедствия. Она охвачена пожаром, и Виталий выбирает самый губительный путь спасения или гибели. Он пробирается не от пламени, а к нему, к его источнику, к его причине. Он проживает это пламя. И хочет, чтобы женщина, которую он нашел – одну из всех, для счастья и несчастья, – прошла вместе с ним свои испытания. Прошла в темпе поставленного им кино. Чтобы они так обманули ее предназначение.

Лиля остро понимала, что Виталий, как ни один другой человек на свете, считает неслучайной ее работу девушкой по вызову. Он оценил размер ее сексуальной притягательности и понял, что свою чашу ей придется выпить, расплачиваясь за жестокий подарок феи при рождении. От нее будут требовать, ее будут пытаться покупать, ее будут грабить все встреченные мужчины, чтобы получить заветный кусочек этой притягательности. А Виталий, как воин, дает им всем бой вот таким – изощренным и самоубийственным образом. Он продает свою женщину, чтобы навсегда поставить эту непреодолимую границу в сознании Лили. Он – ее родной человек, остальные мужчины и вообще все люди на свете – охотники за добычей, циничные покупатели и грабители.

Виталий чувствовал, как верно Лиля его понимает. И это было последним звеном на той сверхпрочной цепи, которой он себя к ней приковал. Нет другой такой на свете, как его Лилея.

Они смотрели вместе его кино. Он горел в своем пламени восторга, боли и ревности. Она видела себя в странных эротических картинах и бросалась к нему, как к источнику воды в пустыне. Лиля хотела только Виталия, она отдавалась только ему.

Наверное, было бы странно, если бы такая рискованная история продолжалась долго. Это произошло...

У Лили было всего три рабочих часа в неделю. Цена за это время достигала совсем неслыханных размеров. Это для клиентов стало показателем их состоятельности само по себе. Шепнуть кому-то сумму «для Лили» – значило обозначить свою причастность к высшему наслаждению и пороку. Записывались за много дней. Виталий строго проверял людей. И в тот день должны были приехать три сына высокопоставленных чиновников с известными фамилиями со своим другом – принцем из Арабских Эмиратов. Виталий послал им приглашение, изучив «резюме», внимательно рассмотрев их фотографии. Три парня, обычные, сытые, избалованные. И еще один – с тонким смуглым лицом и глубокими, печальными, восточными глазами.

Лиля встретила гостей в платье из тяжелого бордового шелка. Она была без капли косметики, волосы стянуты на затылке. Четыре молодых человека по очереди поцеловали ее в щеку, затем, подбадривая друг друга шуточками, подошли к столику с напитками. Выпивали быстро и торопливо: гасили робость и боялись упустить минуты наслаждения. Как все. Лиля молча стояла у стойки бара, курила и смотрела поверх них, следила за дымом своей сигареты. Она, как всегда, хотела, чтобы им понравились напитки и закуски. Когда они пили и ели, – это были ее спасенные минуты. Она никогда не общалась с теми, кто приходил к ней.

Парни краснели, глаза их блестели все возбужденнее, и один взгляд, странный и такой непривычный, тревожил Лилю. Темные глаза одного из гостей как будто предупреждали ее об опасности.

Напитки Виталия были хитрыми. Вкус, запах и кажущийся градус не соответствовали истинной крепости. Опьянеть от них было невозможно. Да и стояли они в небольших количествах. Первоначальное тепло и якобы алкогольное возбуждение испарялись в течение минут. Если кто-то приходил уже нетрезвым или что-то приносил с собой, Лилия нажимала одну из многочисленных кнопок вызова охранника, который жил в привратничке у прихожей. То же самое она делала в случае грубости, боли, откровенного дискомфорта. Вопрос с такими людьми решался раз и навсегда. Больше у них не было шанса здесь появиться. Ни за какие деньги.

Лилия привыкла к собственной безопасности. Что произошло на этот раз, она даже не успела сообразить. Не было никаких слов, объятий, поцелуев. Платье ее в момент оказалось на полу, а до очень красивого, дорогого, эротичного белья никто даже не дотронулся. До нее в принципе никто не дотрагивался. Лишь один парень расстегнул ремень на брюках, накиннул его Лиле на шею и затянул на явно заранее приготовленную дырочку. Другой свой ремень пристегнул, как поводок к собачьему ошейнику. Эти убудки заставили ее встать на четвереньки. Они просто пришли поиздеваться, унижить. Им не нужна была никакая любовь. У Лилии не было возможности дотянуться ни к одной из кнопок охраны. Когда она попыталась закричать, ей завязали шелковым шарфом рот. Никогда еще она не испытывала такого ужаса, такой беспомощности, такой паники и такого бешеного протеста. Она сопротивлялась изо всех сил. Но силы были настолько не равны... И вдруг такой поворот: два парня ее держат, а третий показывает солидную пачку долларов и говорит: «Мы за все заплатим отдельно. Сверх суммы по договоренности. Мы – честные люди. Не сопротивляйся». В следующий момент ее опять бросили на пол, подтащили, задыхающуюся, к креслу, в которое уселся один парень, снял туфли и носки и потребовал, чтобы она поцеловала его ноги. Для этого с нее сняли шарф. И Лилия вместо того, чтобы закричать, воспользовавшись ситуацией, впиалась зубами в эту враждебную, ненавистную ногу, услышала вопль, сплюнула его кровь и выдохнула: «Фашисты проклятые». После чего ее просто били по лицу, и разбитые губы уже не пропускали никаких слов.

Виталий попал в странную пробку. Он в дни, когда Лилия работала, был в своем филиале офиса в десяти минутах езды от дома. Мониторы имелись у него и в кабинете, и в машине. В первые же минуты драматичной сцены в студии Лилии он позвонил охраннику и бросился к своей машине. Перед этим взял из сейфа пистолет. В машине он взглянул на монитор и понял, что охранника забаррикадировали. Так оно и оказалось после звонка. Виталий летел минут пять на предельной скорости, но какие-то машины оказались на его пути совершенно непонятным образом. Они появились из дворов, мчались наперерез по газонам, его заперли со всех сторон. Он позвонил в ДПС, но сам выходить не стал. Понял, что эта «пробка» организована. Понял он уже, что за гости сегодня у Лилии. Он успел увидеть пачки с долларами. Это «креативный досуг» Кирилла. Это его месть. К Виталию бежали дэпээсники, а машины на их глазах удивительным образом рассосались сами...

Когда Виталий ворвался в студию, открыв перед этим комнату охранника, запертую каким-то бандитским запором, который Виталий оставил для полиции, он увидел такую картину.

Лилия стоит в своем прекрасном прозрачном белье: губы разбиты, петля из ремня на шее. А у босых ног лежат два человека. Одетые мужчины. У одного практически нет лица и шеи: одна кровавая рана. У другого, лежащего навзничь, из спины торчит рукоятка ножа. Еще двое стоят неподалеку, трясущиеся, зеленые. Кто ударил человека ножом, было ясно без полиции – тот, который пытался носовым платком стереть со своих пальцев кровь. Его охранник и скрутил в одно мгновение. Виталий бросился к Лиле, но она прохрипела: «Пожалуйста, вызови

срочно «Скорую». Они убили его. Он пытался меня спасти». Встала на колени, подняла голову человека с ножом в спине, заглянула ему в лицо и вдруг счастливо просияла:

– Он жив! Он дышит и даже посмотрел на меня. Быстрее, умоляю, дорогой. Помоги ему.

Виталий сделал все для того, чтобы спасти принца из Арабских Эмиратов, которого и звали Амир, что значит – принц. Он приехал в Москву, чтобы усовершенствовать свой русский в МГУ. И золотые московские мальчишки изо всех сил старались угодить бриллиантовому, по их понятиям, другу – он был из сказочно богатой семьи. «Креативный досуг» был пиком их изобретательности. Точнее, кто-то порекомендовал дуракам фирму Кирилла, который и воспользовался глупостью и богатством клиентов, чтобы отомстить Лиле с Виталием. Сказал, как впоследствии выяснилось, что девушка предупреждена, согласна, что это входит в условия контракта. Виталий сделал все, чтобы спасти Амира и чтобы подлечили как следует и парня с поврежденным лицом и горлом. Амир, наверное, убил бы его, если бы ему не воткнули в спину нож. Эта «жертва» должна была свидетельствовать на суде против себя и своих друзей.

А потом все аккуратно взаимодействовали по поводу погашения следствия и закрытия уголовных дел. Приехал отец Амира, кротко с ним сотрудничали потерявшие свою наглость чиновники – отцы московских парней. Виталий гасил информацию об обстоятельствах драматичных событий в прессе. Все выздоровели, вернулись к занятиям, уголовных дел как будто и не было. Только проект Виталия «Лиля» прекратил свое существование. Только Кирилл в момент тяжелой депрессии вдруг выбросился из окна пятнадцатого этажа. Не все прощается в этой жизни. Унижение Лили то ли судьба, то ли Виталий, то ли они вместе оценили так.

А Лиля, сам Виталий и их наука страсти... У последней был свой финал. Он стал совершенно очевидным, когда Виталий приехал в клинику, где лечили Амира. Виталий открыл дверь в его палату и остановился на пороге. На белой подушке экзотическим видением сияло тонкое смуглое лицо с темными ресницами на щеках. Ресницы вздрогнули, и черные глаза с тоской и невыразимой любовью посмотрели на девушку, сидевшую рядом. А прекрасная девушка, Лилея, бледная, как косынка на ее голове, склонилась к тонкой смуглой руке мужчины и прижалась к ней губам.

Лиля подняла взгляд, почувствовав присутствие Виталия, не испугалась, не растерялась. Она просто встала, выпрямилась, как школьница на уроке, и сдернула с головы косынку. И Виталий увидел, что в ее волосах, на этот раз они были каштанового цвета, засеребрились виски. Это произошло за ночь! Лиле едва исполнилось двадцать лет. Виталий увидел все, что ему нужно было увидеть. Он улыбнулся:

– Оставайся, детка. Не беспокой его. Я просто хотел убедиться в том, что здесь все в порядке. Все остальное будет хорошо, даже не думайте ни о чем. Увидимся, когда ты вернешься домой.

Когда Лиля вернулась в свою квартиру, там не было ни Виталия, ни его вещей, ни коллекций их видео, ни техники в студии. Она задумчиво прошла к компьютеру, открыла свою почту, не сомневаясь в том, что получит письмо от Виталия. Она его получила. Там было написано следующее: «Помнишь, моя Лилея, ту ночь, когда я тебе сказал, что ты узнаешь, что такое любовь. Вчера я понял, что это случилось. Ты поняла, что любовь думает только о том, кого любишь, забывая обо всем и обо всех. Ты полюбила, девочка. Мне ли не знать тебя. Я счастлив. Я буду жить благодарностью тебе. Я всегда буду где-то рядом. Но пока не держи меня в мыслях. Я сам найду тебя».

Лиля горько проплакала ночь. А утром умылась холодной водой, надела самое скромное платье и поехала в клинику.

– Я приехала за своим женихом, – сказала она старшей медсестре.

Через год ослепительно красивая жена принца Амира, любимца и наследника своего отца, вышла на террасу дворца, который стал ее домом. Был пик лета, тот самый день, когда Лиля путешествовала в прошлое по воспоминаниям. Самара с тоской по другой жизни.

Москва, выход в другую жизнь с запахом дешевого освежителя. Женское открытие в скромной холостяцкой квартире Виталия, их годовщина в ресторане, серьги с огненными опалами, которые остались на ней в ту ночь перехода к следующему этапу... Постыдный проект «Лиля», сладкая нега в руках мужчины, который придумал самый странный вариант обладания своей женщиной... И та катастрофа, которая обернулась настоящим, полноценным счастьем Лили. Оно теперь каждую минуту сияет обожанием в роскошных глазах ее мужа. Оно сейчас шевельнулось под сердцем. Там может быть только сын. Лиля и Амир в этом не сомневались.

К Лиле подошел помощник Амира и передал ей пакет документов, это пришло на ее имя дипломатической почтой. Лиля принесла пакет в кабинет мужа, и они прочитали документы о том, что Лиля отныне является владелицей благотворительного фонда в России с более чем внушительным капиталом. Фонд создан Виталием для больных детей из бедных семей. Адрес, контакты и фамилии работников указаны.

– Я не поняла одного, – растерянно произнесла Лиля, когда нашла Амира. – Почему Виталий не позвонил и не рассказал? И где он сам? Его имени нет в контактах. Он значится только как основатель.

– Я думаю о том же, – серьезно ответил Амир. – Это все не очень хорошо. Давай я узнаю сам.

– Нет, – решила Лиля. – Я пойду к себе. Если не дозвонюсь до него, попрошу кого-то в Москве найти его в офисе.

Через час Амир вошел в белый и ажурный кабинет жены. Лиля сидела перед письменным столом с компьютером, спрятав лицо в ладонях. Она нашла Виталия. В этот день его хоронили. Он покончил с собой выстрелом в сердце. А в почте Лили появилось письмо от него, видимо, он попросил кого-то переслать ей в день похорон.

«Я счастлив, – было написано в этом письме. – Я получил жизнь, о которой не смел мечтать. Моя жизнь – это ты, моя Лилея. Нет тебя белее».

Амир боялся, что страдания Лили разорвут ее сердце, затопят горячими слезами ее малыша. Но она справилась. Ей надо было спасти сына, ей нужно было жить ради семьи, ради бабушки, ради тех детей, которых оставил ей в наследство Виталий. Только в волосах остался широкий серебряный след, ведущий к тому, кто так ее любил. Даже после смерти.

Счастье Марии Ивановны

Ее видели на разных улицах. Эту странную экзотическую женщину. Ей, наверное, было много лет, но мало кто выглядел так значительно, артистично и естественно, как она. Очень полная, но не грузная, она шла легким шагом, одетая так, как будто сейчас раздвинется занавес и она войдет в какую-то роль. На красивых полных ногах – облегающие белые ажурные сапоги, точнее, босоножки до колен. Выше – дизайнерская юбка из кусков разной ткани с произвольными воланами, застежками, вставками кружев. Юбка туго облегла бедра и талию. Необычные блузки и кофточки. Белая изящная шляпка с темным цветком и кусочком вуали и сумка из Парижа.

Элегантные женщины смотрели ей вслед, запоминая фасон. Мужчины почтительно уступали дорогу. Дети ей улыбались.

Так выглядела Мария Ивановна. Пенсионер по старости, бывшая сотрудница авиационной компании. Она облетела в свое время весь мир. Из каждой страны привозила всего одну вещь. И эта вещь никогда не умирала в ее гардеробе, всегда сочетаясь с теми, что уже были.

Мария Ивановна выходила из дома в разное время, шла по разным улицам быстро, как будто по делу. И никто не догадывался о том, что путь, люди, дома и вывески тают в ее прогрессирующей слепоте. Зрение – одна из самых страшных предательских потерь для одинокого человека, который мог подработать себе на жизнь только с его помощью. Мария Ивановна зарабатывала, давая уроки нескольких языков детям, писала дипломы студентам, предлагала помощь начинающим экономистам в различных проектах по Интернету. Получалась нормальная сумма, раза в три превышающая ее пенсию, которая уходила на оплату квартиры, телефона, электричества, Интернета. Теперь приходилось выживать лишь на двенадцать тысяч пенсии. Чудовищная арифметика. Мария Ивановна открывала документ под громким названием «Деньги». Все, как положено: приход, расход. Приход – двенадцать. Расход – семь тысяч за квартиру. Тысячу пятьсот за Интернет и телефон, восемьсот за свет, пятьсот на мобильный. Пятьсот – прачечная, потому что Мария Ивановна больше не может стирать и вешать постельное белье. Две с половиной на аптеку: два лекарства из длинного списка «жизненно важных», выписанных терапевтом. Из этого списка Мария Ивановна оставила только трентал для сосудов, сердца и зрения за тысячу четыреста рублей и датский инсулин за девятьсот. Следующее – моющие средства, шампунь, мыло, паста. И последняя скорбная статья с общим названием еда. На нее – сколько останется. Двенадцать кончались перед моющими средствами. Нужно было возвращаться к началу и отказываться. А впереди тридцать дней.

Мария Ивановна заходила в магазины, останавливалась перед витринами, с тоской проходила мимо полок с товарами для диабетиков. Она всю жизнь любила сладкое. Так любила, что голова кружится от воспоминаний этого ощущения. Тогда она была полной не от дефицита инсулина, а просто от здоровья, силы, генетической женственности, рассчитанной на многодетность. Выходила Мария Ивановна из магазина с половинкой бородинского и пачкой самых дешевых леденцов в своей модной парижской сумке.

Однажды в поликлинике, где Мария Ивановна просидела много часов, чтобы врач выпишет ей какие-то дешевые лекарства, у нее случилась голодная кома. Ее там же привели в чувство, и медсестра дала дельный совет:

– Не детский сад вроде. Должны всегда носить с собой еду.

В одну из страшных ночей, когда очередная кома стала наползать со всех сторон, Мария Ивановна пришла на кухню, чтобы убедиться в том, что отлично помнила. Последний кусочек бородинского съеден, как и последний леденец. Она медленно и тщательно оделась, вышла в темноту и пошла на запах ближайшей помойки. Она, чистюля, щепетильная до крайности, рылась там, чтобы продлить свою жизнь. Неизвестно зачем. Нашла какой-то засохший пиро-

жок, подгнившие помидор и два яблока. Пошатнулась от головокружения. Прислонилась к широкому дереву и жадно откусила этот сладкий и грязный пирожок. Жизнь, кажется, передумала ее оставлять.

Мария Ивановна вздохнула, сложила остатки найденной еды в сумку из Парижа и двинулась к дому. Что произошло, как это произошло, – это она смогла вспомнить через четыре дня.

Кто-то вырвал у нее сумку, кто-то ее бил, кто-то рвал на ней одежду. Ее насиловали! Ее, благородную старую женщину, которая хотела всего лишь в своих белых ажурных сапогах дойти до чистой смерти. Она потом вспомнит нерусскую речь и даже их лица. Это были мигранты, явно под наркотиками. Их спугнула приближающаяся машина с яркими фарами. Бандиты оставили ее и убежали. Мария Ивановна могла бы успеть выйти к этой машине, но не в таком же виде. И она поднялась, побрела к дому. В лохмотьях, с разбитым опухшим лицом, взлохмаченными седыми волосами, без сумки из Парижа, в которой остался тот сладкий кусочек. Она вошла в подъезд, набрав код, но не стала вызывать лифт, потому что не увидела бы там цифры на кнопках, а посчитать сейчас не было сил. Поползла, буквально на четвереньках, по лестнице на свой четвертый этаж. Позвонила в квартиру соседки Саши. Прохрипела, когда та открыла:

– На меня напали, Саша. Сумку с ключами отобрали. Попроси мужа взломать мне дверь. Ее хлипкая дверь легко отдала символический замок.

– Тебе что-то нужно? – спросила Саша. – Давай вызовем «Скорую», полицию. А то мы завтра на пару дней уезжаем на дачу.

– Не нужно, – ответила Мария Ивановна. – Если я сейчас не лягу спокойно, то меня все равно никто никуда не довезет. Принеси мне сладкого чаю, пожалуйста. Я утром сама позвоню.

Она выпила принесенный соседкой чай, а когда соседка ушла, закрылась изнутри на защелку... А до ванной не доползла. Упала посреди комнаты на пол.

Через два дня соседи вернулись, и взволнованная Саша, не дозвонившись и не достучавшись до Марии Ивановны, вызвала «Скорую» и полицию. Дверь взломали. Марию Ивановну в коме доставили в больницу. После капельниц она пришла в себя. И все вспомнила. Все рассказала следователю. Он записал показания, уточнил:

– Точно сможете опознать нападавших?

– Точно.

Врачи зафиксировали побои, факт изнасилования. Поскольку Мария Ивановна так и не дошла дома до ванной, врач сказал, что материал для установления личности насильников – есть. Сперма, царапины на теле Марии Ивановны, сделанные руками с длинными, грязными ногтями. Все это было зафиксировано в истории болезни. И в уголовном деле, открытом следователем.

Медкарту Мария Ивановна привезла с собой через три дня.

– Дольше держать в больнице никого сейчас мы не можем. Нет мест, и сотрудников сократили, – сказала старшая медсестра, отдавая ей выписку.

Пришла Саша, помогла постелить чистую постель. Принесла завтрак. Позвонила следователю. Тот сказал, что скоро приедет. А Саша открыла историю болезни и увидела, что все страницы, где было описание травм и выводы врачей, грубо вырваны. Последняя запись: «Гипертонический криз на фоне диабетической комы».

Когда следователь приехал, выяснилось, что прокурор закрыл дело о нападении. Выяснилось, что это люди из какой-то шайки поставщиков наркотиков, у них высокие покровители, и велено никого не трогать. Дело ушло в архив.

К Марии Ивановне заглянула социальная работница, в социальных службах тоже стал известен этот страшный инцидент. Спросила, как дела. Равнодушно, для проформы.

– Прекрасно, – ответила Мария Ивановна.

И легла умирать. И опять смерть отказалась ее принять. «Здесь слишком много несчастных людей, – сказала смерть. – Вы скоро обрушите наше небо своей тяжестью».

Вновь приступ, вновь кома, вновь Саша, ее муж, взломанная дверь, «Скорая».

– Она не встанет, – сказал врач Саше, осмотрев Марию Ивановну. – У нее есть родственники?

– В Москве нет. Она говорила, что где-то в деревне есть сестра с ДЦП. Она ей деньги посылала.

– Старушке нужен уход. Попробуйте отправить в дом престарелых, только сложно это теперь.

Марии Ивановне сделали много уколов, поставили капельницу, сняли физический нестерпимый дискомфорт, и она поплыла в обратном направлении, в свою жизнь.

Эту жизнь освещали с детства синие глаза одноклассника Васи. Мальчика из очень бедной семьи, которого фея одарила при рождении невероятной красотой и ярким, острым умом. Маша и Вася практически не расставались с младших классов. Нет повести печальнее на свете... Родители были против их любви. В семнадцать лет Машу заставили сделать аборт, который поставил крест на ее материнстве. Но когда молодым людям исполнилось по восемнадцать, они поженились. После свадьбы получили комнату в коммуналке, и Маша практически перестала общаться с родителями. Они были снобами, ее родители. И были против неравного брака.

И Маша, и Вася закончили институты. Василий уверенно пошел по ступеням науки. В тридцать лет был уже ведущим ученым научно-исследовательского сельскохозяйственного института, в сорок – его директором. Принципиально не стал защищать докторскую. Считал: все, что нужно, он сказал в кандидатской.

Они любили друг друга. Но женщины падали, конечно, к его ногам. И в какой-то момент он перестал бороться. Талантливый ученый и сильный человек, он сдавался безумной страсти нимфоманок. Мария прощала и терпела. Она была сильной и стойкой и не испугалась даже в час, когда случилось несчастье. Василий заболел. Догнали его лишения бедного детства. Туберкулез, проблемы с легкими, рак. Долго лечили, оперировали. Мария приняла это как беду и спрятала в тайне души надежду на то, что беда спасет их союз от пытки его измен.

Несколько лет они прожили на острове Хортица. Там были опытные хозяйства института. Василий завершал очередные разработки, испытания. Там их встретили тишина, покой, красота. Здоровье начало побеждать болезнь. Работал Василий запойно, на пределе вдохновения. Но в промежутках стал выпивать. Началось это с известия, что умер от туберкулеза его брат-близнец. Такое горе. Мария плакала постоянно, пряча даже от себя ужасную мысль. Зато он теперь избавится от неверности. Вот таким тяжелейшим, жестоким путем Вася возвращается к ней навсегда. В горе и в радости.

Надежда погибла смертью храбрых в один вечер, когда она, не дождавшись мужа дома, побежала в поле его искать, думая, что Вася где-то упал пьяный. А услышала в высокой траве его хриплое дыхание и чужие женские стоны. Он и здесь нашел свое. Эти двое встали, оделись и ушли. В траве осталась лишь Мария. Сама возвращалась из обморока, сама добиралась домой. Вернулась и увидела, что кровь течет по ее разбитому виску...

Мария Ивановна это увидела, заметалась под капельницей и вдруг почувствовала тянущую боль внизу живота. Она ее сразу узнала, хотя испытала что-то похожее только раз в жизни, в семнадцать лет, перед абортom. В то время аборт делали лишь под местным наркозом. Так плачет убитый ребенок. Значит, так он и рождается. Той ночью в тишине больницы, в палате на пятнадцать тяжелых больных Мария Ивановна родила своего первого ребенка.

Когда через несколько дней к ней пришла Саша, она сказала ей:

– Принеси мне какую-то детскую еду. У меня родился ребенок. И еще. И еще. Я просто не могу их посчитать.

Нянечка грустно кивнула Саше.

– Рожает у нас бабуля каждую ночь. Если у нее, кроме вас, никого нет – то готовьтесь.

На следующий день Саша примчалась с клубничным муссом. Мария Ивановна головы не смогла поднять. Она его глотала с ложечки и после каждой благодарно и счастливо шептала «спасибо». Ночью она родила еще одного.

Днем ее кололи успокоительным. Другие лекарства уже не имели смысла. И Мария Ивановна качалась на туманных волнах, разговаривала с Васей, который и не знает, сколько у них детей.

...Они вернулись в Москву. Но его измена встала между ними. Та ночь его самого жестокого предательства встала между ними. Он и сам не мог себе этого простить. А она простила. И опять надеялась. Для Василия такое всепрощение оказалось слишком большим мучением. Он ушел от нее к другой. К такой другой, которая не терзала его тонкими, постоянно рвущимися нервами, всепоглощающей любовью. Та, другая, просто получала удовольствие от его красоты.

Он вернулся, узнав на работе, что Мария выпила ночью пузырек с искусственной эссенцией и находится в реанимации. Мария Ивановна так хорошо вспомнила, как взлетело от счастья ее сердце, когда медсестра сказала: «Твой за тобой приехал».

И опять потекла беспокойная река их непутевой жизни. Мария думала только о своей вине. Она не смогла уцелеть во время того аборта. Все так складывалось, потому что она не могла родить ребенка. Но теперь... Теперь, когда Вася привез ее из смерти, теперь они отдохнут.

Он ушел на пенсию. Она стала старосветской помещицей, которая целыми днями придумывала ему блюда, терла и мыла все в квартире, создавала уют. Он сидел с утра за огромным письменным столом, курил свою трубку, работал, иногда смотрел в ее сторону прищуренными от дыма, по-прежнему синими глазами. Никогда Мария не видела человека, который за всю жизнь не стал ни капельки менее красивым. Наоборот, все украшало ее Васю. И седина, и полнота, и умные морщины. Наверное, это был самый счастливый период в жизни Марии Ивановны. Она даже перестала тосковать по нерожденному ребенку. Мечтала лишь об одном. Умереть раньше него. Мария боялась, что его смерть она вынести не сможет.

Но у него грехов было больше. И бог слишком прямолинейно понимает, что такое казнь. Он казнил именно Василия. Не подарил ему тихой спокойной смерти.

Однажды летом к ним приехала племянница из Киева поступать в МГУ. Хорошая, красивая девочка. Мария учила ее правильно одеваться, готовить, гордилась ею, возила на экзамены. Катя поступила. Осталась жить у них. На выходные приезжал ее жених, который служил в армии в одной из подмосковных частей. Сначала Мария стала замечать нервный, встревоженный взгляд жениха, которым он смотрел на Василия. А потом сама увидела. Этот нестерпимо синий, прищуренный взгляд мужчины, о котором мечтали все встреченные им женщины. Мужчины, которого боготворила жена. Он смотрел на Катю так, как будто впервые в жизни увидел олицетворение красоты и неземного, обошедшего его счастья. Только преданное сердце Марии смогло выжить, увидев то, что она прочитала в его глазах. Это первая, настоящая любовь Василия, которую он и не надеется пережить. Никто не смог бы гореть в этом открытии, в этом огне. Только кроткая и верная Мария Ивановна.

Перед своей казнью Василий вышел из дома, сходил на ближайший рынок и купил у грузина медную настенную тарелку с чеканной Нефертити.

– Это ты, – сказал он Кате.

Выпил бутылку водки и упал, захрипев. Три дня он умирал в коридоре районной больницы, дожидаясь очереди в палату. Метался на серых казенных простынях, звал Катю и Нефертити. Марию он так и не заметил. Умер, не открывая глаз...

Мария Ивановна прожила в больнице одиннадцать дней. Родила одиннадцать детей. Ее привезли сюда одинокой, истерзанной, нищей старухой. А на кладбище для бедных она приехала богатой матерью большой семьи, рожденной от самого любимого мужчины на свете.

Хоронили ее соседки. Положили в гроб, надев красивое и яркое платье, на голову не стали завязывать старушечью косынку, приспособили шляпку с вуалью. Положили на грудь не цветы, а шоколадные конфеты, чтобы матери по дороге в рай было чем кормить своих детей.

Поделиться любовью

Когда Карину в очередной раз кто-то доставал разговорами о своих бедах, у нее в ответ была такая шутка: «Ой, ну чем я тут помогу? У меня самой тяжелая шизофрения».

– Выслушай просто, – обычно отвечали ей. – Напиши мне, что ты думаешь. Ты же такой отзывчивый человек, не то что остальные. Люди – злые, они только радуются чужой беде.

Карина иногда и смеялась, и плакала, рассказывая подруге или родителям, в какой плотный переплет она вновь попала.

– Ты понимаешь, папа, – говорила она потрясенно. – Ася влюбилась в Игоря по снимку в Интернете. Они живут в разных странах. Она вдвое старше его. Он состоит с ней в переписке, потому что она посылает ему деньги на помощь животным. А по поводу любви она мучает меня! Она пишет каждые пять минут, что она плачет. И – хоп! – выкладывает снимок своего лица в слезах. У меня ее плачущих изображений уже целая галерея. Потом она пишет, что ее надо утешить, потому что у Игоря – рана. И опять фотографии: его порезанный палец, забинтованная нога. Он так, наверное, вызывает у нее жалость, чтобы получать больше денег. Он – здоровенный, нигде не работающий мужик. Но я же не могу не реагировать! Пыталась ей не отвечать, так мне ее подруги стали писать: почему ты такая черствая? Ася теперь плачет из-за тебя.

У Карины была удивительная способность – чувствовать комизм ситуации и воспринимать ее же, как великую трагедию. И то, над чем она хохотала днем, возвращалось к ней ночью совсем в других тонах. Залитое слезами лицо женщины, которую она знала лишь по переписке в Интернете, начинало ее мучить. Она так ясно представляла себе, что Ася, полюбившая коварного и жестокого человека, сейчас не спит и места себе не находит от тоски и боли. Может, это ее последняя любовь, может, единственная, ей некуда с этим бежать, не к кому стукнуться, а она, Карина, поленилась написать ей лишнее письмо. И Карина чувствовала, как разрывается ее сердце, она становилась Асей, ее накрывала волна непоправимого несчастья. Потому что красавец Игорь никогда не полюбит бедную Асю. Карина вставала и начинала печатать горячее письмо со словами поддержки и сочувствия. Спрашивала: чем я могу тебе помочь?

На горячие письма Ася, ставшая почти родной, почему-то отвечала уже немного свысока, с позиции обиженной жертвы. На повторенное не один раз предложение помощи, однако, реагировала... Они все реагировали практически одинаково, вот в чем беда. Вдруг оказывалось, что ситуацию с роковой страстью или другим несчастьем можно исправить с помощью какой-то суммы, которой, к примеру, Асе не хватает, чтобы послать Игорю на помощь животным.

Карина посылала, отказываясь от запланированной покупки для себя, обреченно понимая, что опять попала в зависимость. И будет посылать, и выслушивать, и рассматривать чужие слезы, уже сильно подозревая, что ее опять использовали.

За ней внимательно наблюдал ее добрый и умный папа, музыкант, художник.

– Я смотрю на твое поведение с растущим напряжением, – шутиливо говорил он. – Я жду, какой именно факт разбудит твой мыслительный процесс.

– Да никакой же, папа, – смеялась Карина, а глаза блестели, как от слез. – Вот такая у тебя родилась глупая и ненормальная дочь. Наверное, у меня шизофрения.

– Наверное, у всех нас шизофрения, – поддерживал шутку папа. – Мне даже перестали нравиться нормальные люди. Обычные скучные и правильные люди.

Чтобы отвлечься и развлечься, они устраивали свой спектакль. Надевали диковинные наряды, стилизованные под разные времена и образы, создавали сцены своих спектаклей. Во всех ролях Карина, папа, мама. Они сами шили эти наряды, сами делали чудесные шляпки, котелки, накидки. Подбирали ткани, цветы, украшения. Фотографировались и создавали альбомы чудо-семьи.

На всех фотографиях у Карины глаза блестели, как от слез, и в них искрился рождающийся смех.

У нее были рыжевато-каштановые волосы, глаза с рыжим солнечным проблеском сквозь карий бархатный фон. Губы, нежные и трепетные, приоткрыты для улыбки, удивления и радости. Лицо светлое, искреннее, доверчивое. Все чаще печальное. Милый и странный человек Карина.

Она не смирилась с тем, что детство у нее отобрали навсегда, когда умер папа. Исчезло счастье, которое казалось вечным. И, главное, Карина не могла понять, как папа мог оставить ее одну на свете. Ее, папину дочку.

А он оставил своих девочек – жену и дочь. Своих трогательных и беззащитных женщин, сразу как-то разлюбивших жизнь.

Карина тосковала. И почему-то ей совсем не хотелось просить чьего-то участия, которое помогает другим людям. Однажды она гуляла дождливым вечером по улицам и остановилась у доски объявлений. Там было много странных, неожиданных объявлений. Карина достала из сумочки блокнот, вырвала из него листочек и написала своим крупным каллиграфическим почерком: «ИЩУ ПАПУ ДЛЯ ДЕВОЧКИ С БАНТАМИ». Вытащила пластину жевательной резинки, пожевала и приклеила бумажку прямо к стеклу. Пусть смоет дождь и унесет ветер. Папа должен был прочитать. Он даст знак, что прочитал.

Она ждала этот знак до рассвета. А серый воздух вползавшего в ее жизнь очередного дня принес страшное разочарование. Знака не было. Только сейчас, на тридцатом году жизни, Карина стала окончательно взрослой. Быть взрослой – значит быть одной. В любой ситуации, с любым количеством людей, со всеми остальными людьми – она одна. Одна решает, одна делает, одна отвечает за свои поступки. Такой безрадостной явилась ей взрослость. Только обожаемые дети не стремятся повзрослеть. Они не хотят уходить из свободы, защищенной, уютной и ласковой, на волю без конца и края. Их никто не будет ловить в объятия там, на краю... И Карина горько рыдала в то утро, когда папа не ответил на ее призыв ни теплым ветерком, ни сладким сном, ни словом утешения, которое прилетело бы сверху и прилипло бы к окну мокрым осенним листком.

Утром по дороге на работу Карина встретила бывшую одноклассницу Наташу. Маленькая, стройная, на лице с тонкими чертами застыло непримиримое выражение. Наташа шла, не глядя ни на кого. Так ходила она всегда, с младших классов. Странный ребенок превратился в странную женщину. Высокомерие, сознание своей исключительности, уверенность только в своей правоте – то, что отталкивало от Наташи одноклассников, – теперь вызывало стойкое неприятие у всех.

Карина подумала: может, Наташа и есть папин знак? Она несет ей навстречу свое сознательно созданное одиночество как назидание? Как предостережение? И Карина будто услышала то ли свою внезапную мысль, то ли слова, произнесенные голосом папы: «Не создавай себе клетки из своего одиночества». Да, конечно. Это он сказал. Он прочитал объявление.

– Привет, Наташа.

– Здравствуй, Карина, – небрежно взглянула на нее Наташа. – Извини, задумалась.

– Мы давно не виделись. У тебя все в порядке?

– У меня настолько все в порядке, – надменно сказала Наташа, – что мне некогда об этом рассказывать всем подряд на улице. Дела, знаешь ли. Я пройду по этой дорожке с твоего позволения?

Карина молча пропустила ее и посмотрела вслед. На узкую, почти детскую спину, на маленький рюкзачок, куда может поместиться кошелек, носовой платок и что-то еще одно такое же небольшое. На заносчивую голову, которая похожа на знак запрета у секретной, строго охраняемой территории, на тонкие ноги в узких туфлях, которые упрямо шли, не обходя луж. Это было бы ниже Наташиного достоинства. Карина посмотрела, и сердце вдруг больно зануло

от жалости. Такой безысходностью веяло от этого культивированного одиночества, от этой гордости, которая давно никого не интересует, от этой напряженности, которая, казалось, отпугивает воздух. Карина увидела, как в фантастическом фильме, Наташу, идущую сквозь жизнь в безвоздушном пространстве. Да, папа послал ее навстречу этому глубоко несчастному человеку, который никогда не пожалуется в отличие от других. Это тот случай, когда помощь действительно нужна. И она догнала Наташу.

– Подожди. Только не прогоняй и не ругайся. Мне сегодня так плохо. Я очень тоскую по папе. Вчера написала объявление о том, что ищу папу для девочки с бантами. Ты помнишь, мой папа любил говорить всем, что он рожден быть папой девочки с бантами? – Наташа молчала, но смотрела внимательно. – Я приклеила это объявление прямо к стеклу на доске объявлений. Просто жвачкой. И всю ночь ждала, что папа ответит. Увидела тебя, и мне показалось, что он ответил. Что он сказал: «Вот идет нужный тебе человек». Не уходи, Наташка. Только ты поймешь такие вещи.

– Как ты... С этим объявлением... – слабо улыбнулась Наташа. – Действительно, никто не поймет, кроме меня. Люди очень толстокожие, они не понимают ничего. Конечно, я помню твоего папу. Все его помнят. А у меня мама болеет. И ведь никто не понимает, как тридцатилетние тетки не могут жить без пап и мам. Хочешь, пойдём ко мне? Дома никого нет. Мама в больнице. Я покажу тебе свою работу. Если я, конечно, тебя не отвлеку ни от чего.

Карине нужно было в школу, где она преподавала рисование, но она об этом не сказала. Сегодня у нее не уроки, а работа над наглядными пособиями. Можно задержаться.

В Наташиной квартире не было не только ничего лишнего. Там не было и того, что другие люди считают необходимым. Абсолютный аскетизм.

Через какое-то время Наташа оживилась, даже порозовела. Ее работа оказалась персональными сайтами: Наташа работала дизайнером сайтов, привлекала заказчиков. Она показала Карине свой сайт – для этого привлечения. Карина сначала ахнула и сказала: «Какая прелесть». Потом пожаловалась, что очень пить хочется, и пошла в кухню. Там был тот же аскетизм. И ничего такого дежурного, чтобы в несколько минут заварить чай, попить с чем-то сладким. Здесь питались, чтобы поддерживать в себе жизнь. Карина взяла со стола стерильный стакан, налила в него воды из-под крана, пила медленно, маленькими глотками. Она думала, как сказать правду об этом сайте, чтобы не спугнуть случайное доверие Наташи. Надо было сказать, что ему не хватает яркости, креативного отклонения от строгих норм... Не хватает индивидуальности, чтобы быть замеченным на огромном рынке таких же услуг.

Она вернулась в комнату бодрой и оживленной:

– Знаешь, я так рада, что ты занимаешься своим делом. Я никогда не могла с тобой сравниться талантом, но, вдруг ты помнишь, – я всегда рисовала. Закончила художественное училище, а потом педагогический институт, для того чтобы учить детей рисовать. Папа меня хвалил. Ни о чем не говорит, конечно, но он сам был хороший художник.

Карина выпалила это вступление и поняла, что не скажет Наташе, чего не хватает ее работе. Ей не нужны критика и советы. Надо просто выяснить, в чем ее проблема, и пытаться подключиться. Проблема есть. Она – причина безденежья и чего-то еще, что вопит изо всех углов.

– От заказчиков у тебя нет отбоя? – осторожно спросила Карина. – Сейчас же никакой пуп на ровном месте не может существовать без своего сайта. Одних политиков, как грязи.

– Да, конечно, – небрежно ответила Наташа. – Заказчики есть. Но у нас не всегда получается контакт. Причина та же. Все грубые, тупые, без чувства меры. А я не иду на эти ужасные, зазывные приемы. И еще такой момент. Это небедные люди, но многие норовят не заплатить за работу. Или торгуются. Я в первом случае не унижаюсь, чтобы звонить и требовать. Во втором – просто показываю, как мне это противно, и иногда вообще не беру денег.

– Понятно, – упавшим голосом сказала Карина.

Она не ожидала, что ситуация настолько безысходная. С таким подходом и с таким характером – это просто хроническая неприятность, а не работа.

– Я вижу выход вот в чем, – вдруг осенило ее. – В возможностях отбора клиентов. Чтобы ты могла сразу отказывать тем, которые слишком тупые и жадные. Чтобы отобранные считали за честь с тобой работать. Давай я попробую раскрутить твой сайт в соцсетях? У меня много друзей, попрошу о репостах. Надо всего лишь разбросать ссылку на твой сайт, хорошую преамбулу об авторе я напишу сама. Как тебе?

– Это заманчиво. – Во взгляде Наташи мелькнул интерес. – Но я не могу зарегистрироваться в соцсетях.

– Многие жалеют на это время. Это я такая сверхкоммуникабельная, что ли.

– Не в этом дело, – значительно произнесла Наташа. – Меня там отслеживают.

– В смысле?

– В обычном смысле – спецслужбы.

Дальше выяснять не было смысла. Психика не может не треснуть в результате тридцатилетнего заточения наедине с мозгом, отвергающим всех остальных людей на свете. Человек отказался от самой идеи какого-то контакта. Но теперь Наташе нужно просто зарабатывать. Вероятно, ее мама работать больше не может. Тоже странная женщина, ученый, родила дочь для себя и воспитала в духе собственной абсолютной исключительности.

– Так я побегу? – поднялась Карина. – Мне еще на работу. Но мы договорились. Я ночью займусь продвижением твоего сайта. Давай проверим телефоны друг друга, у нас, наверное, менялись номера. И до связи.

– Да. До свидания, Карина, – тихо сказала Наташа.

И весь ее потерянный облик вонзился острой жалостью в сердце Карины. Ей показалось, что она никогда не видела такого всеми забытого на земле человека. Такую слабую, хрупкую, беспомощную женщину, которая даже не допускала мысли, что в жизни бывает опора.

Карина бежала в школу, а в ней бушевали страстный протест, гнев и... да, любовь. Она полюбила сейчас гордую, странную, обреченную угасать в тоске и одиночестве Наташу. Карина протестовала против несправедливости. Ведь Наташа на самом деле умнее и симпатичнее многих тех, у которых все есть – и удача, и любовь, и семья. Но почему же?.. Почему не нашелся сильный мужчина, который бы встряхнул Наташу? Который сказал бы: «Ты лучше всех. И потому будешь со мной». И все бы изменилось. Карина решила побороться со злой Наташиной судьбой.

После работы она купила на фермерском развале две банки с кизилковым вареньем – домой и Наташе. Это было одно из самых теплых, ароматных и сладких воспоминаний детства. Бабушка варила кизилковое варенье, Карина ждала в тот день ужина, как праздника. И пила чай с лимоном и бутербродом с маслом и вареньем. Она и сейчас сделает себе такой бутерброд. А потом приступит к задуманному плану.

Детское блаженство явилось – не заплылось. Ничего вкуснее и быть не могло. Карина растягивала чай по глоточку, бутерброд по кусочкам, варенье – по ароматной яголке. И было полное ощущение, что папа сейчас у себя в кабинете, вот-вот войдет и обрадуется ей, как будто не ожидал увидеть.

Вошла мама. Строгая, красивая, нарядная, с твердо сжатыми губами, четко, классически очерченными. Карина забыла, когда мама улыбалась.

– Это такой ужин? – неодобрительно спросила она. – И ты потом сокрушаешься, когда встаешь на весы. Я сегодня приготовила отличный диетический овощной суп.

– Съедем и суп, – задумчиво проговорила Карина.

Она смотрела на маму, как будто и ее давно не видела. Они живут вдвоем в небольшой квартире. Они в постоянном контакте. И что же у них получилось после общего горя? Карина – одна. И мама – одна. Они не привыкли жаловаться друг другу ни по какому поводу. А тут еще

так все очевидно. Карина знает, что потеряла самого лучшего отца, маму оставил единственный мужчина, который ей был нужен, который приучил ее к постоянному обожанию. У каждой – своя горькая потеря. Мать и дочь стеснялись друг друга: они стали нищенками, потеряв такое богатство – такую любовь. Карина вдруг с ужасом подумала, какое количество людей за это время она успела пережалеть, утешить, отвлечь, развлечь... Бездомным животным отдает столько времени, страданий, усилий и чувств. А мама...

– А ты знаешь, мама, – сказала она. – Время идет, а ты становишься все красивее. Ни с кем, кого я знаю, такое не происходит. И эта серебряная полоска в твоих волосах делает тебя похожей на сказочную королеву. Это выглядит, как корона.

Это было правдой. Мама из тех женщин, которым природа дает долгую, стойкую даже к страданиям красоту. И она сама об этом знает. Но от слов Карины вдруг растерялась. Посмотрела смущенно, как девушка, которой сказали ее первый в жизни комплимент. А потом в ее глазах мелькнула боль. Она вспомнила, как ее красоту хвалил муж, отсутствие которого стало ее постоянной катастрофой. И глаза блеснули, но она не позволила слезе пролиться. Ни за что. Мама просто взяла другую чашку и села пить с Кариной чай с кизилковым вареньем. Им обоим казалось, что они встретились после долгой разлуки. И Карина про себя опять поблагодарила папу. Это он. Это его ответы на ее объявление – письмо в никуда.

Ночью Карина вдохновенно работала. Она красиво написала о Наташе, о ее уникальных способностях, доступно объяснила, почему персональные сайты нужно заказывать только у такого высокого профессионала.

«Потому что ваш сайт – это вы, – писала она. – Потому что люди воспринимают вас как человека с большим вкусом и чувством меры. То есть интеллигентным, культурным человеком».

Далее из текстов вытекало, что Наташину работу ни с чем и ни с кем не сравнить. И что Карина пишет это все только для своих, избранных людей, поскольку примитивных и скупых заказчиков и так выше крыши. А читали это, разумеется, все. И никто не считал себя примитивным и скупым. Карина просила сотни своих друзей в соцсетях о распространении информации. Она делала это впервые в жизни. В такой малости никто не отказывал. Она уснула на рассвете, довольная тем, что сделала хорошее дело. Теперь нужно не выходить из контакта с Наташей, чтобы отбирать действительно стоящих заказчиков.

На следующий день было воскресенье. Карина утром позвонила Наташе и сказала, что хочет к ней зайти с вареньем.

– Ты представляешь, мы с мамой вчера вспомнили мое детство, когда бабушка варила кизилковое варенье. Я даже забыла, как это вкусно. Вечером съела полбанки!

– Кизилковое варенье? – недоуменно переспросила Наташа. – Да, я что-то такое вспоминаю. Не очень конкретно, конечно. Но буду благодарна, если ты зайдешь.

Карина взяла из дома две большие чашки и блюдечки. В Наташиной кухне ничего не найти. Купила в булочной горячий хлеб, у фермера – сливочное масло кружочком, тоже как в детстве на рынке.

Прибежала, сразу стала хлопотать на кухне. Наташа стояла прямо, неподвижно, смотрела внимательно и сосредоточенно, как на какое-то непонятное ей действие. А Карина боковым взглядом видела, как вздрагивает тонкое Наташино горло. Она глотала голодную слюну. И Карина, приготовив все, бросилась в ванную – мыть руки. А на самом деле брызгала со злостью холодную воду в глаза, которые стали горячими и мокрыми. Наташа не потерпит рядом с собой истеричку.

Они хорошо посидели. Наташа даже смеялась, когда Карина рассказывала о смешных и нелепых людях, жаждущих постоянно всеобщего участия. А галереи Карины с чужими слезами просто привели Наташу в восторг.

– Покажи, – попросила она.

А потом Карина повторила свою шутку. Она просто сказала:

– Когда у меня кончаются возможности горячо сочувствовать всякой ерунде, я говорю: «Я не могу вам помочь. У меня самой тяжелая шизофрения».

Что-то произошло после этой фразы. Наташино лицо застыло.

– Почему ты это сказала? – спросила она, практически не разжимая губ.

– Ты не поняла? Это шутка у меня такая. И папа мой ее всегда поддерживал. Говорил, что у него тоже, наверное, шизофрения, ему перестали нравиться нормальные скучные люди... Наташа, что не так?

– Просто интересно, почему ты мне это сказала, – сухо произнесла Наташа. – Спасибо. Все было очень вкусно. Мне нужно работать.

Она ушла в комнату, открыла свой сайт и показала резко увеличившееся количество просмотров. И опять поблагодарила Карину. А потом позвонил заказчик. Карина сидела близко и слышала весь разговор. После первых его фраз она стала усиленно кивать Наташе: соглашайся, приглашай его. Все было понятно. Приятный мужской голос хорошо, грамотно говорил, понятно объяснял, чего хочет. Это был архитектор, который открыл свое бюро. Звали мужчину Игорь. Наташа согласилась с ним работать, и он приехал через час с материалами.

Как внутренне обрадовалась Карина, когда он вошел. Стройный, симпатичный, сероглазый, скромно, по-деловому одетый. У него были сильные, широкие плечи, спокойный и уверенный взгляд. Он так подойдет Наташе – хрупкой, беззащитной, уникальной. Он может стать настоящей опорой. Карина это понимала чисто теоретически. Ей самой не повезло с мужем. Попалось откровенное не то, так подвела ее эмоциональность, что она перепутала напор быка с большой любовью. К счастью, быстро разобралась и сбежала к папе с мамой, радостная и свободная.

Наташа смотрела на Игоря строго и официально. Что, разумеется, ничего не значит. Это ее броня – взгляд, выражение лица. Все ее оружие против мира, который кажется ей враждебным. Хороший человек сумеет это растопить – не сомневалась Карина. Ведь они так здорово только что пили чай с вареньем. Вчера при встрече это казалось невозможным – пить с Наташей чай.

Наташа с Игорем отлично поработали. Они понимали друг друга с полуслова. Карина сидела в сторонке, и глаза ее блестели от непролитых счастливых слез и от затопившей ее доброты. Она смотрела на свою сверстницу, как мама или бабушка.

Игорь поднялся и спросил:

– Я могу с вами сейчас расплатиться наличными?

– Ни в коем случае, – ответила Наташа. – Я принимаю деньги только за полностью сделанную работу. По факту.

– Понятно, – легко согласился Игорь. – Тогда мы поступим так, чтобы совместить наши деловые принципы. Вы присылаете мне половину работы, а я высылаю вам половину всей суммы. По факту – вторую половину.

И он написал сумму на дисплее своего айфона. Перед этим – Карина могла бы поклясться – он за секунду окинул взглядом и оценил весь Наташин уклад, это гордое и уникальное безденежье. Наташины глаза расширились изумленно при виде суммы, но Игорь быстро сказал:

– Стандартная цена. Я уже заказывал не один сайт. В среднем так.

Они договорились созвониться, когда Наташа вышлет ему работу, он попрощался и ушел.

– Как он тебе? – не выдержала Карина.

– Нормально, – невозмутимо ответила Наташа.

– А по-моему, он такой классный, – выпалила Карина. – Я на вас смотрела: вы так подходите друг другу.

– Какая ты экзальтированная, однако, – насмешливо сказала Наташа. – Ну, как мне может подойти незнакомый человек? Но мне понравилось, что он не тупой, не нахальный и не жадный.

– Вот! – в восторге произнесла Карина.

Она бежала домой и мысленно докладывала папе, как у нее здорово получилось невероятно сложное дело. Растопить Наташину гордыню, помочь ей в работе и как-то поучаствовать, возможно, даже в ее судьбе. Ну, кто знает. Бывают же у мужчин необычные вкусы. Многим не нравятся доступные, навязчивые женщины. А тут, слава богу, ничего такого и в помине. Чудеса случаются.

На следующий день Карина решила не мешать Наташе. Ночью опять без усталости бомбила свой все более изобретательный и профессиональный пиар ее услуг. Потом ей позвонила сама Наташа. Сообщила, что отказала пяти неприятным заказчикам. С явным удовольствием сказала, что Игорю понравилась присланная ею половина работы. И что теперь она работает над окончательным вариантом.

Днем Карина пришла в супермаркет, издалека увидела там Наташу. Никогда раньше они не встречались в магазинах, хотя жили поблизости. Карина не подошла. Она смотрела из-за колонны, как Наташа сосредоточенно-умным взглядом изучала содержимое рыбного прилавка. После долгих колебаний выбрала два стейка семги, когда ей взвесили, поблагодарила продавщицу неожиданно горячо. Потом она перешла к разделу фруктов. Тоже выбирала долго, по одному – по два.

Карина забыла, зачем пришла. Она выскочила на улицу, чтобы Наташа не увидела ее просиявших глаз. У Карины – глаза-предатели, они рассказывают все, о чем она думает и что чувствует. Но она весь день вспоминала, как Наташа покупала хорошие продукты в магазине на полученные от Игоря деньги. «Значит, будем продолжать бомбить», – дала себе команду Карина. Спать она от волнения в эти дни все равно не могла.

А через день Карина вышла из дома и увидела Наташу, которая явно долго ждала ее под дождем. Ее тонкий плащ промок, пряди волосы обтекли струями узкое, страдальческое, как на иконах, лицо, губы посинели от холода, тонкая шея была напряжена, как от сильной боли.

– Здравствуй, Наташа, – улыбнулась Карина, хотя сердце у нее оборвалось.

Наташа долго молчала. Смотрела, не мигая, ей в лицо. Потом медленно произнесла:

– Может, ты этого и не хотела. Мне пока трудно разобраться. Но это случилось.

– Что случилось?

– Пойдем, я тебе покажу.

Они вошли в Наташину квартиру. Наташа сама не сняла плащ и не предложила Карине раздеться. Сразу повела ее к компьютеру, включила его, открыла свой сайт. Карина увидела то, что видела раньше не раз.

– Поняла? – повернулась к ней Наташа.

– Нет, – призналась Карина.

Они обе по-прежнему стояли в мокрой одежде.

– Вот. – Наташа показала пальцем на число просмотров.

Карина увидела пятизначную цифру, но сдержала довольную улыбку, почувствовав, что улыбаться не стоит.

– Тебя беспокоит то, что так увеличилось посещения? Так я...

– Что ты! – вдруг с болью и пренебрежением воскликнула Наташа. – Что ты! Кому ты нужна. Это они меня засекли. Это мне предупреждение. Я смотрела всю ночь: количество увеличивается каждую минуту.

Картина несчастья, жестокой болезни была так ясна, что никакой психиатр для консультации не требовался. Да, наверное, и невозможно: повезти Наташу на консультацию. И все

сразу сложилось. Ее стена, ее тайна, ее реакция на шутку Карины по поводу шизофрении. Это шизофрения и есть.

Дальше было еще хуже. Никакой разговор Карины не поддерживался. Ни о Наташиной маме в больнице, ни о сайте Игоря. Не просто не поддерживался, после каждого вопроса взгляд Наташи становился все более подозрительным.

– Какая ты любопытная, – вдруг произнесла она почти с ненавистью. – Я мягко выразилась, но таких совпадений не бывает. Ты не случайно втерлась ко мне в доверие. С этим вареньем, с этим подозрительным заказчиком и его еще более подозрительными деньгами. С баснями о том, что ты привлекаешь ко мне клиентов.

– А что это на самом деле? – упавшим голосом уточнила Карина.

– А ты не знаешь?! – Наташа горько и страшно рассмеялась, глаза оставались больными. – Так убивают. Чтобы не убивать оружием. Меня так заставляют убить себя!

Как удержали Карину ее ставшие ватными ноги, она сама не понимала. Ей стало очень страшно рядом с человеком, который явно способен сейчас на все. Сделать можно было только одно: постараться уйти, как будто все в порядке. И вне этой безумной кельи думать, как спасти Наташу. Но она не успела выйти за порог, когда за спиной раздались странные звуки. Карина в ужасе смотрела, как Наташа сначала уничтожала всю работу в компьютере, потом стала выводить из строя сам компьютер, как выдергивала провода домашнего телефона и топтала ногами мобильник, предварительно вытащив из него симку и разрезав ее ножницами. Карина бежала домой к справочникам и телефонам. Позвонила на работу, сказала, что заболела. Вскоре она нашла в одной из больниц Светлану Сазонову, мать Наташи, и помчалась туда.

Светлана вышла к ней в больничном халате, очень похудевшая. Выслушала и спокойно сказала:

– Умоляю. Ничего не предпринимай. Я сейчас выпишусь, все объясню врачам, скажу, что мне надо домой. Карина, это очень серьезно. Она действительно убьет себя, если увидит чужих людей. Но я сумею справиться. Такое иногда бывает.

Карина приехала к себе, вышла из машины, дошла до дома Наташи. Стояла под дождем, глядя на балкон этой страшной квартиры. Светлана не разрешила ей подождать, чтобы отвезти домой. Вся в дочь. Карина стояла и, раз уж так дождь ей помог, не сдерживала своих несчастных, редко выпускаемых на свободу слез. Какая беда! И она ее приблизила. Какое горе! Тоненькая Наташа, нежная, незащитная, бьется одна с таким страшным врагом, какого и представить сложно.

– Карина! – раздался вдруг рядом мужской голос.

Она несколько не удивилась, увидев Игоря. Наташа ведь уничтожила свою работу. Он не может к ней дозвониться. Он заплатил. Приехал узнавать.

– Здравствуйте, Игорь, – сказала Карина, почувствовав какое-то облегчение. Все-таки она тут будет не одна. – Вы, конечно, ищите Наташу?

– Да. На звонки и письма она не отвечает, и дверь мне не открыли.

– Я объясню, – успела произнести Карина, и все ее нервы, жалость, досада на себя – все сорвалось в такое неприличное рыдание. И это рыдание улеглось на его груди. Карина вдруг обнаружила, что плачет, прижавшись к Игорю.

– Успокойся, девочка, – вдруг мягко произнес Игорь папину фразу. – Мы во всем разберемся, со всем справимся. Я, кажется, понимаю, что происходит. Тогда трудно было заметить проблему Наташи.

– И почему же ты не отказался? – всхлипнула Карина.

– Не потому, что я такой гуманный, бросаюсь на помощь всем попавшим в беду. Но ты – ее подруга. И глаза у тебя с золотыми блестками, как на новогодних украшениях. И такие губы. Я не видел таких никогда.

– Из-за меня? – в панике спросила Карина. – Я не верю! Это ужасно в свете того, что произошло.

– Не так уж это ужасно. На самом деле я и не бегу от попавших в беду. Давай просто думать. Расскажи все подробно.

Они не расстались после рассказа Карины. И не ушли прятаться от дождя. Стояли там и ждали, когда приедет Светлана. Она вышла из такси, подошла к ним и сухо сказала:

– Карина, не нужно здесь стоять. Тебя видно из наших окон. Ты мне сейчас помешаешь. Да еще с посторонним мужчиной...

– Прошу прощения, – вмешался Игорь. – Я как раз не совсем посторонний. Мы с вашей дочерью делаем совместную работу. У меня не было возможности получить информацию, поэтому я здесь.

– О работе на время нужно забыть, – проговорила Светлана. – И еще раз прошу, Карина, не вмешивайся. Я должна с этим справиться одна.

Она ушла, Игорь решительно взял Карину за руку и увел.

– Тот случай, – сказал он, – когда она или права, или нам с обороной этих двоих не справиться. Придется ждать. Я не могу рассчитывать на то, что меня пригласят просохнуть и выпить чего-то горячего?

– Только не сегодня, – сказала Карина. – Я должна как-то маму подготовить. Она мне не доверяет в части выбора мужчин. Ты, конечно, сейчас подумал, что я вторая после Наташи – сумасшедшая мамина дочка?

– Люблю, когда мои мысли читают и произвольно трактуют. Еще одно твое достоинство. Да, ты наверняка мамина дочка. Это видно по всему. И настолько сумасшедшая, что о себе думаешь в последнюю очередь. На тебе нет сухой нитки. Ты тут переплакала ливень. Я уже понял, что это ты занималась такой обильной рекламой Наташиных скромных способностей и услуг. А теперь будешь мучиться виной. Сделай одолжение: сними с себя эту тяжесть. Мой отец хороший психиатр. Я знаю: то, что произошло с Наташей, должно было произойти именно в это время. И если бы не было тебя с твоей помощью, то виноватой бы оказалась соседка с черными глазами или прохожий с подозрительной папкой. Это график болезни. Обменяемся телефонами, я из дома позвоню отцу, спокойно найдем какой-нибудь запасной вариант. Что-то подсказывает мне, что у матери ничего не выйдет. Она сейчас станет самой виноватой. Так обычно бывает.

Они расстались спокойно, как случайные знакомые. И Карина старалась не думать о том, что ее сердце заколотилось в каком-то совсем ненормальном режиме. И что это имело отношение далеко не к Наташе. А Игорь сел в машину и долго не мог уехать из этого двора. Его место здесь. Рядом с едва знакомой женщиной, у которой в глазах звезды, а в губах обещание. Не ему, конечно. А самой идее любви. Он о Наташе думал мало. Но, как только приехал домой, сел за телефон. Через час у него были варианты и помощники. На всякий случай позвонил и другу – частному детективу Сергею Кольцову. Но он ждал сигнала Карины. Может, все обойдется без них. Хорошо, если все обойдется без них.

Карина дома рассказала маме все, что произошло у них с Наташей. Мама слушала печально и сурово.

– Тебе не нужно было бросаться в эту историю сломя голову. Могла бы посоветоваться со мной. Наташе поставили диагноз еще в детстве. Вы не знали, но некоторые родители были против того, чтобы она училась в школе с нормальными детьми. Светлана приносила всякие документы о том, что это просто оборотная сторона уникальных способностей. Что девочка не опасна в психическом отношении для других. Так оно и было, конечно. Просто я не раз видела у Светланы странные синяки.

– Что ты имеешь в виду? – в панике спросила Карина.

– Наташа не была агрессивной с чужими людьми, но матери явно доставалось. И достается, наверное. Такая беда. Вот еще и поэтому она так тебя отгоняла от их дома. Надо уважать ее желание, Карина. Ты только навредишь. И посмотри на себя: ты как мокрая, общипанная курица, глаза красные, нос распух. Тебе нужно пить горячее молоко или даже гоголь-моголь и ложиться в постель. В таких случаях говорят, что утро вечера мудренее.

Карина вошла в ванную, посмотрела на себя в зеркало. Да, все так, как сказала мама. А Игорь увидел в ее глазах золотые блески. И губы ему понравились. Ее искусанные в страхе и распухшие от плача губы. И что это значит?

– Ох, – сказала себе Карина. – Только не напридумывай, как всегда, то, чего нет. Он просто такой галантный. Сын психиатра.

Она выпила мамин горячий гоголь-моголь, приняла ванну, посидела за компьютером, удаляя свою рекламу Наташиных услуг. А когда услышала, что мама выключила у себя телевизор, а затем свет, оделась и тихонько вышла в прихожую, накинула дождевик с капюшоном. Она выскочит буквально на минутку. Убедится в том, что Наташа и мама легли спать. Что там все тихо.

Она наткнулась на Светлану возле подъезда. Светлана была совсем другой. Она бросилась к Карине и схватила ее за руку горящими ладонями. В луче фонаря было видно, что она вся дрожит, под глазом кровоподтек, а на щеках кровавые полоски. Карина была потрясена.

– Карина! Там ужас. Она меня выгнала и забрала ключи. Она дралась и кричала, что меня тоже подослала. И что я похитила ее ключи от всех сейфов.

– А где эти ключи на самом деле? – спросила Карина.

– Какие ключи?! И какие сейфы?! Мы похожи на людей, у которых есть хотя бы один сейф?

– Надо звонить. – Карина решительно достала телефон.

– Подожди. Не вздумай. У нее скальпель. Она сказала, что, если войдут враги под видом врачей, она вонзит его себе в сердце. Она это сделает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.